
**С О Ю З Н И Ч Е С К А Я
И Н Т Е Р В Е Н Ц И Я
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И В СИБИРИ**

ДОКЛАД
ПИШОНА

РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
В.л. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 2 5

СОЮЗНИЧЕСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И В СИБИРИ

Д О К Л А Д
П И Ш О Н А

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
П. ИВАНГОРОДСКОГО

РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
ВЛ. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

Гиз № 9890 Главлит № 37695. Напеч. 6.000 экз.

1-я Образцовая тип. Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Союзническая интервенция в Сибири сейчас уже дело минувших дней. Давно ушли с территории Сибири и Дальнего Востока союзнические войска, которые на протяжении почти пяти лет остриями своих штыков поддерживали российскую контр-революцию, пытавшуюся свить себе гнездо в Сибири для борьбы с большевистской Москвою. Ушли с Дальнего Востока даже японцы, которые долго цеплялись сначала за Приморье, затем за северный Сахалин, рассчитывая под шумок округлить свои владения на азиатском материке.

Почти все участники союзнической интервенции в Сибири, за исключением Америки, сейчас должны были признать Советскую Россию и вступить с ней в политические и экономические сношения. Надо полагать, что и Америка тоже скоро встанет на этот путь... Сибирь сейчас залечивает свои раны, восстанавливая разрушенные интервенциями железные дороги; возрождает хозяйственную мощь крестьянских хозяйств; выравнивает производительность копей, приисков, заводов и т. п. На берегах Тихого океана реет красный флаг Союза ССР.

Однако союзническая интервенция в Сибири, несмотря на свою относительную «давность», еще далеко не исследована хотя бы настолько, чтобы мы могли иметь должную историческую оценку этой интервенции как

в ее целом и в деталях, применительно к отдельным периодам союзнического вмешательства в русские дела, так и в отношении роли отдельных союзных держав и их агентов, которые осуществляли это союзное вмешательство в Сибири.

В полном объеме союзническая интервенция получит свое освещение, надо полагать, тогда, когда тайные дипломатические архивы откроют свои секреты и дадут историкам возможность осветить темные уголки закулисных комбинаций союзнической дипломатии времен великой русской пролетарской революции. Трудно гадать, когда это будет. Будем надеяться, что скоро. Но и сейчас у нас имеются кой-какие документы, которые иногда «вываливаются» из архивов тайной дипломатии и тем самым становятся достоянием общественности.

К числу таких случайно «вывалившихся» документов союзнической интервенции в Сибири нужно отнести доклад французского военного агента полковника Пишона, который в числе других союзнических агентов в начале 1918 года подготовлял союзническую интервенцию, обследуя положение вещей в Сибири. Основные выводы этого любопытного документа почти целиком совпадают с тем, что несколькими месяцами позднее было осуществлено союзниками в акте высадки десантов на Дальнем Востоке и опубликования официальных деклараций о начале союзнической интервенции в Сибири.

Единственное, что разнит выводы доклада полковника Пишона от официальных деклараций, это то, что он в своих планах не упоминает о чехо-словацких легионах, которые двумя месяцами позднее были использованы союзниками как первое орудие интервенции и ссылкой на защиту которых союзные дипломаты позднее в своих декларациях пытались прикрыть свой разбойничий налет на Сибирь. Для Пишона, когда он по поручению фран-

цузского генерального штаба вел разведывательно-шпионскую работу в Сибири, не были ясны комбинации этого штаба в отношении чехо-словаков, поэтому в своем докладе он не касается возможной роли этой будущей контрреволюционной силы, которую позднее выдвинули на авансцену истории союзники в своем стремлении раздавить русскую революцию.

Для того, чтобы читателю было яснее значение публикуемого «доклада Пипсона», мы позволяем себе коротко напомнить историю возникновения союзнической интервенции в Сибири. Первые робкие шаги в этом отношении были сделаны еще в конце 1917 года (12 декабря) Японией, когда на Владивостокском рейде непрошено появились военные суда. 4-го апреля 1918 года Япония, воспользовавшись убийством двух японцев, высадила с военных судов во Владивостоке десант. 5-го апреля «Рейтер» по этому поводу сообщил из Вашингтона: «Высадка последовала, как следствие нападения русских на японского купца. Число высадившихся весьма незначительно. Официально Соединенн. Штаты не придают политического значения этому инциденту». Это были, как их сейчас называют, «абортивные интервенции», которые делались японскими империалистами за собственный страх и риск в целях форсирования международных событий на Дальнем Востоке.

В конце мая 1918 г. в Сибири началось выступление чехо-словаков, которые согласно договора с советским правительством следовали через Сибирь якобы для эвакуации на родину через Владивостокский порт. Примерно к концу мая чешские эшелоны заполняли всю сибирскую магистраль от Челябинска и до Владивостока. Восстание чехов началось одновременно в ряде пунктов Западной Сибири, где советы обнаружили меньшую устойчивость, и где чехо-словаки, опираясь на белогвардейщину,

успели за короткий срок развить сравнительно большие успехи.

Попытка чехо-словаков выступить в Иркутске, где находился Центральный Исполнительный Комитет Советов Сибири, на первых порах успеха не имела, ибо чехи были взяты в железные клещи и должны были просить разрешения следовать на Владивосток. В самом Владивостоке, под влиянием иркутской неудачи, а может быть и благодаря недостаточным инструкциям, чехо-словаки обнаружили некоторое колебание. Ими была послана делегация в Иркутск якобы для урегулирования «недоразумения» на Западе, на самом же деле для ориентации сил Иркутска, который угрожал сделаться серьезной проблемой для «войск Гайды».

28-го июня чехо-словаки выступили во Владивостоке, а 6-го июля это выступление было санкционировано обращением агентов союзников, находившихся на Дальнем Востоке (во Владивостоке), которые объявили Владивосток и его окрестности «под временным протекторатом союзных держав». Последующие события показывают, что союзники выжидали далее хода разворачивающихся событий в Сибири, где шла борьба между чехо-словаками и советами, объединившимися вокруг ЦИК Советов Сибири. Когда же эта борьба стала клониться к неблагоприятному для советов исходу, союзники выступили с официальным заявлением о предпринимаемой ими интервенции, при чем в качестве главного из аргументов выдвинули желание «притти на помощь чехо-словакам». В таком духе были составлены декларации Японии, Америки, Англии, Франции, Италии и даже Китая, которые были опубликованы в первых числах августа, одновременно с высадкой уже настоящих больших военных десантов, которые начали продвигаться вглубь Дальнего Востока, а потом и Сибири.

Так началась союзническая интервенция в Сибири, которая принесла с собою сначала так называемое сибирское областное правительство, состоявшее из коалиции эсеров и белогвардейцев других мастей, которое затем должно было уступить место кандидату Великобритании, пресловутому адмиралу Колчаку, с именем которого для Сибири связываются годы мрачайшей реакции, когда Сибирь превратилась в свалочное место российской контр-революции.

Если сейчас мы подойдем к оценке «движущих сил» союзнической интервенции в Сибири, то для нас более или менее ясна роль каждой из так называемых великих держав. Возбудителем интервенции на Дальнем Востоке, несомненно, должно признать Японию, которая проделала две абортивных попытки стать твердой ногою на азиатской территории Дальнего Востока. Эта японская активность вызвала внимание со стороны остальных великих держав, которые, каждая по различным мотивам, пошли по пятам за японскими империалистами.

Америка пошла на авантюру интервенции, как конкурентка Японии в Азии. Для Америки важно было «наблюдать» за Японией и даже «мешать» ей там, где это соответствовало ее интересам. Англия пошла в Сибирь в значительной мере потому, что она должна быть везде, где грабят, но в немалой степени и потому, что Япония была союзницей Англии, и она не могла оставить Японию и Америку с глазу на глаз. Интереснее роль Франции, которая выступила в качестве врага Советской России и которая на первых порах подготовки интервенции играла архиактивнейшую роль. Полковник Пишон был агентом французского генерального штаба. Чехо-словаки — были наймитами этого же штаба. Роль Франции была ролью главной вдохновительницы союзнической интервенции.

Позднее сказался удельный вес каждого из интервен- тов. Сила и мощь Америки и Англии создали для них доминирующее положение. Япония и Франция долж- ны были приспособляться к своим сильным союзницам. Но это было позднее, начало же интервенции в Сибири должно быть целиком и полностью связано с двумя им- периалистическими державами — Японией и Францией.

К чему стремились эти державы в Сибири?

Мы знаем, что Япония стремилась к территориальным захватам Приморья и северного Сахалина. Она хотела отбросить Россию от берегов Тихого океана, от Китая, и этим утвердить свою гегемонию на северо-востоке Даль- него Востока.

Французский империализм подходил к интервенции с точки зрения борьбы с большевизмом. Французский генеральный штаб рассматривал Сибирь, как базу для возможной борьбы с Москвой. Сибирь для французских империалистов была не только одной из окраин России, на которых они организовывали русскую контр-револю- цию для борьбы с большевиками: Сибирь была житницей Москвы. Сибирский хлеб был одним из важнейших фак- торов той борьбы, которую против советов предпри- няли союзники. Сибирь, Урал, Юг России, Закавказье — все это в переводе политики на язык экономики озна- чало: хлеб, железо, нефть, уголь и т. п. Антанта знала цену этим материальным факторам борьбы и поэтому всемерно старалась лишить возможности Москву пользо- ваться и хлебом, и железом, и топливом.

С другой стороны, захват Сибири союзниками замы- кал то железное кольцо, которым союзники пытались охватить красную Москву. Это было кольцо, которое сла- галось из ряда белых фронтов, создаваемых российской контр-революцией на средства союзников. Колчак по за- мыслу союзников должен был сыграть роль наиболее на-

дежного из звеньев этого кольца-цепи, — не даром его так усиленно поддерживали и на колчаковщину возлагали такие большие надежды.

Однако все планы интервентов оказались большим мыльным пузырем, который так старательно надувался великими державами для того, чтобы лопнуть, как только он соприкоснулся с холодной сталью штыка красноармейца, перевалившего через Уральский хребет в Сибирь.

Ушла в прошлое эта мрачная и тяжелая полоса союзнической интервенции. Остались только зарубцевавшиеся раны у сибирских рабочих и крестьян, да недобрая память о тех, кто являлся виновником этой интервенции. Документы, вроде «Доклада Пишона», которые случайно «выпадают» из тайников дипломатических канцелярий великих держав, берегут эти мрачные воспоминания, но зато они позволяют уточнить нам адрес тех, кто является виновником интервенции и ее жертв и убытков, а знание этого адреса для рабочих и крестьян СССР, в условиях современной международной обстановки, далеко не лишне.

Вл. Виленский-Сибиряков.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемый перевод доклада, представленного 4-го апреля 1918 года полковником (тогда майором) французского генерального штаба Пишоном французскому посланнику в Пекине, представляет собой сводку наблюдений в Сибири.

Первая половина 1918 года была посвящена подготовке междусоюзной интервенции в Сибири. Штабом, откуда исходили непосредственно все директивы в этом направлении, являлось французское посольство в Пекине, куда сходились все нити той тонко-сплетенной сети, которую готовили для Сибири «союзные» империалисты.

История уже показала, какая судьба постигла все попытки иностранных интервентов задушить русскую революцию. Но до сих пор не полностью поднята завеса над закулисной работой интервентов, над тем, какие планы ими лелеялись, кто являлся их помощниками в среде русского народа, какие конечные цели ставили они себе.

Доклад полковника Пишона приоткрывает эту завесу.

Полковник Пишон в 1917 году, в чине майора, был членом французской военной миссии в Петрограде. После Октябрьского переворота этот офицер (кстати сказать — служивший по секретному отделу французского генерального штаба), в абсолютном совершенстве владевший рус-

ским языком, получает задание обследовать настроения в Сибири и выяснить реальные возможности к осуществлению интервенции, веки, по которым должна проводиться эта интервенция, а также выяснить те политические группировки, на которые могут рассчитывать союзники. С этой задачей Пишон справился, повидимому, удовлетворительно, ибо интервенция была построена по его плану. Шесть месяцев, проведенные им в различных городах Сибири, где зачастую, пользуясь фальшивым паспортом, он легко сходил за русского, дали ему богатый материал для выполнения возложенного на него задания.

Тот факт, что по возвращении в Пекин он получил чин подполковника, показывает, что хозяева его остались им вполне довольны.

Какую же ценность представляет для нас доклад полковника Пишона?

В своем докладе французский полковник откровенен: он знает, что его доклад секретен и дальше стен посольства и министерства иностранных дел не пойдет, и поэтому в нем он не стесняется. Он дает оценку роли и сущности сибирской буржуазии, оценку политических партий от кадетов до эсеров включительно; с точки зрения идеологической ценности материала для интервенции, те, кто прочтет его доклад, увидят, с каким неприкрытым цинизмом действовали союзники в Сибири. Но что всего интереснее в докладе полковника Пишона, это откровенное признание в том, что «демократическая», республиканская Франция шла в Сибирь и Россию с тайной, сокровенной надеждой... восстановить монархию и, как выражается полковник, «покорить русского крестьянина кнутом», пользуясь для этого содействием партии социалистов-революционеров.

Характерно еще и то обстоятельство, что Франция обсуждала уже в марте месяце 1918 года вопрос об осу-

ществлении интервенции силой японских войск. Это обстоятельство, признанное в докладе полковника Пишона, в известной мере предопределяет совместную контактированную политику Франции и Японии на Дальнем Востоке и в Сибири.

Лицемерие заявлений союзников, сделанных при начале интервенции, ясно для всех русских. Теперь, с опубликованием доклада полковника Пишона, мы получаем признание этого лицемерия и обмана из уст одного из виднейших деятелей союзной вакханалии в России.

Январь 1924 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сибирь в огне революции. — Беженские настроения. — «Внутренняя» и «внешняя» температура. — «Сибирский» вопрос и союзники.

С тех пор, как я выехал из России, мне довелось в разговорах, как с иностранцами, так и с русскими, слышать самые разноречивые суждения об общественном мнении в Сибири и России, об общественных настроениях.

Это вполне естественно.

Почти все те, кто живет теперь в Пекине или Харбине, давно уже не были в России и потеряли с ней всякую связь. Некоторые выехали из нее еще до революции, другие же всего несколько месяцев тому назад бежали из нее, спасаясь по тем или иным мотивам от революции. Каждый беженец при этом уезжал с наивозможнейшей поспешностью из определенного места и по определенной причине. Настроение его поэтому может отражать только настроение того определенного уголка, из которого он бежал. Всего того, что происходит в России, он, конечно, не охватил, и естественно, что его мнение является пристрастным.

Люди, путешествующие специально для того, чтобы видеть и наблюдать, что происходит, — очень редки.

Я путешествовал по всей России в течение последних пяти месяцев, занося в свою записную книжку все виденное и слышанное, и в настоящем докладе я намерен виденному подвести итоги, воздерживаясь при этом от субъективных выводов.

Когда я прибыл в Пекин, я констатировал, что говорю на совершенно непонятном для моих слушателей языке. Отчасти тому причиной то обстоятельство, что здесь не было получено ни одного из прежних моих докладов, посланных в свое время начальнику военной миссии¹⁾ в Петрограде, но главная причина в том, что я нахожусь, — если можно так выразиться, — под влиянием внутри-российских атмосферических условий (в политическом, разумеется, смысле этого слова), под влиянием внутри-российской политической атмосферы, а мои слушатели воспитаны в атмосфере внешней, анти-российской. Разница в ощущениях и настроениях настолько значительна, что очень легко впасть в самые грубые ошибки.

На самом деле, если, скажем, вас в Сибири преследуют, как контр-революционера, и вам удастся бежать в Пекин, здесь уже вас рассматривают, как большевика; или то, что в пределах российских границ кажется умеренным мнением, здесь рассматривается как нечто бессмысленное или, в лучшем случае, парадоксальное.

В настоящем докладе я не буду обобщать своих впечатлений, а ограничусь обрисовкой положения в Сибири, так как в настоящий момент нас интересует только Сибирь, только сибирский вопрос.

Следует ли считаться с общественным мнением, с общественными настроениями?

¹⁾ Французской. (Прим. переводчика.)

Вот вопрос, с которого я позволю себе начать свой доклад, так как считаю, что вопрос этот имеет существенное значение, особенно в интересующем нас деле.

Нужно сказать, что ни в самой Сибири, ни среди союзников не существует вполне определенной, выкристаллизовавшейся точки зрения на события, на план действий и т. д., нет определенного, цельного, общественного мнения и, по этой самой причине, трудно в настоящий момент предпринять что-либо такое, что могло бы всех удовлетворить.

Сибирь — обширная, но мало тронутая цивилизацией страна, и понятно, что в среде населения ее встречаются группировки, стоящие на определенной платформе, упорно защищающие свою точку зрения, есть далее группы, подвергшиеся определенной обработке пропагандистов, и есть, наконец, главная масса неграмотного и политически совершенно безграмотного крестьянства: однако и это крестьянство имеет если не определенное мнение, то, во всяком случае, определенные настроения, не считаться с которыми было бы большой ошибкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У русской революции не оказалось «Наполеона». — Под каким лозунгом начинать интервенцию. — Реставрация невозможна. — С кнутом или без него? — Учет силы революции.

Во всех почти странах Европы существуют государственные деятели высшей квалификации, стоящие над партиями и пользующиеся уважением всех политических группировок. Люди эти, если можно так выразиться, — стоят выше общественного мнения и общественных настроений.

Если бы в России и, в частности, в Сибири, существовал хотя бы один человек подобного рода, я позволил бы себе сказать, что можно не считаться, в широком смысле этого слова, с общественным мнением и общественными настроениями. С самого начала революции мы ждали появления такого человека, не раз даже пророчили его появление в лице того или иного деятеля, однако такого человека не оказалось ни среди политических деятелей, ни среди военных. Что же касается великих князей, то никто из них не считает, что его час уже наступил. С другой стороны, никого из великих князей здесь в настоящий момент нет, а начинать интервенцию под флагом отсутствующего человека и без его согласия, — невозможно. Нет такого человека, которого все мы считали бы подходящим. Русская революция не дала ни Бонапарта, ни Кромвеля, ни даже просто — Венизелоса.

Можно было бы, пожалуй, с военной и материальной точек зрения, не считаться с общественным мнением и общественными настроениями, провести завоевательную военную кампанию, восстановить порядок и, установив сильный полицейский режим, дать власть тому лицу или той группе, которой мы пожелали бы.

Если немцы победят нас, они именно так поступят с Россией. Больше того, они реставрируют в России монархию, и эта реставрация будет с радостью встречена всеми теми лицами, — теперь изгнанниками, — которые тогда окажутся восстановленными во всех своих сословных и имущественных привилегиях. Главная масса населения встретит реставрацию равнодушно, пассивно, особенно, если принять во внимание, что она устала от слишком долго длящейся экономической разрухи. Меньшинство же, представляющее из себя активный политический революционный элемент в стране, встретит, конечно,

реставрацию с озлоблением, с пеной у рта, но это меньшинство легко будет обуздать силой. Однако, несмотря на указанные благоприятные условия, реставрированная монархия сумеет удержаться только до тех пор, пока она будет вести мудрую политику, энергичную и в то же время предусмотрительную. Если же она «зарвется», все дело вскоре же придется начинать сначала.

В силу изложенных соображений, как видно, не представляется никакой материальной невозможности к тому, чтобы мы сами поступили именно таким образом. Мы можем вступить в Сибирь под следующими лозунгами: с одной стороны — во имя восстановления порядка, а с другой — во имя защиты наших интересов, находящихся в одних случаях под угрозой нарушения, а в других уже грубо нарушенных большевиками. По вступлении, мы сможем поставить то правительство, какое найдем нужным, без необходимости предварительно загромождать себя и стеснять свои действия присутствием манекена, которому мы же придадим ореол великого человека (подчеркнуто редакцией).

Материально такой метод действий вполне возможен. Однако то, что возможно для немцев, то невозможно для нас: все державы Антанты действуют в настоящее время под лозунгом уважения к свободе и праву народов; этот лозунг диктуется необходимостью считаться с общественным мнением. И нужно сказать, что мы нанесли бы сильный удар престижу Франции, если бы в своих поступках пренебрегли общественным мнением, не говоря уже о том, что Америка, которая уважение к внешним формам демократических идей доводила зачастую до игнорирования реальных опасностей, никогда не будет участвовать в акте, имеющем внешние признаки насилия.

Поэтому, волей-неволей приходится считаться с общественным мнением.

В Сибири не существует единого общественного мнения: деревня и город, крестьянин и рабочий, интеллигент и купец, — каждый имеет свое собственное мнение, и взгляд на политические события одних никогда не совпадает, даже в приблизительной степени, с мнением и взглядами других. И даже в одном и том же классе или идеологически единой классовой группировке мнения стариков разнятся от мнения молодых. Эта разница во взглядах, это дробление общественного мнения, усиливается еще фактом создания со времени революции целого ряда профессиональных организаций, преследующих в конечном итоге — политические цели и сковывающих проявление своими членами личной точки зрения на события.

Кроме того, есть еще одно соображение, которое представляется чрезвычайно важным: ведь нельзя отрицать того, что существуют если не мертвые, то во всяком случае — пассивные мнения, пассивные воли. И если теоретически мнение одного человека представляется в такой же мере заслуживающим уважения, как и противоположное ему мнение другого, то практически, когда преследуешь определенную цель, далеко не безразлично считаться и бороться за или против мнения человека пассивного или же бороться за или против мнения человека активного, который может выйти на улицу с винтовкой в руке и стать за баррикаду.

Таким образом, если для нас речь идет о моральных сторонниках после того, как мы совершим определенные действия, то за это беспокоиться не приходится: среди тысячи политических нюансов, существующих в толще русского народа, всегда найдутся люди, которые встретят победителя с цветами в руках, с флагами и привет-

ственными речами. Такие люди встречались у украинцев и поляков и даже немцев во всех тех городах, в которых последние восстанавливали порядок¹⁾. Такие люди будут благодарить и благословлять всякого, кто вернет им имущество и спасет их жизни, тем более, если при этом будет восстановлена их власть. На этот счет беспокоиться нечего: таких сторонников мы найдем всюду.

Но, если речь идет об активных сторонниках, которые могут оказать действительную помощь с самого начала, то здесь точно нужно выяснить численность, положение и средства, которыми располагают отдельные группировки. Вопрос этот представляется чрезвычайно важным как с точки зрения быстроты действия, так и с точки зрения нормального и продуктивного развития намеченного плана, а также прочности проведенной операции.

Здесь я должен опровергнуть некоторые положения, зачастую высказываемые за границей, так как принятие этих положений на веру может привести к весьма неприятным последствиям. Прежде всего, должен сказать, что мысль о том, что с хорошей палкой в руке можно восстановить и поддерживать порядок у такого народа, как русский, который привык к кнуту, свидетельствует о полном незнакомстве с теми глубокими изменениями, которые произошли за последнее время в настроениях и психологии русских. Правда, палкой можно временно восстановить порядок, ибо народ до крайности устал от длительного состояния анархии, и это обстоятельство наводит на реакционные мысли, но такое положение не сможет долго продолжаться: народ, познавший свою

¹⁾ Речь идет о буржуазии и обывательщине, которая ожидала от интервенции французской булки. Если обывательщина и буржуазия встречали на Украине немцев и поляков с цветами, то рабочие и крестьяне провожали их пугами. Об этом лучше всего говорят последние дни немецкой оккупации на Украине. (От ред.)

силу и злоупотреблявший ею, не захочет долго подчиняться другой грубой силе. Далее, мысль о том, что существующая в настоящее время анархия приводит общественные настроения к реставрационным мечтаниям, также не менее ошибочна: правда, люди настолько устали от дезорганизации и анархии, что они, может быть, приветствовали бы любой порядок, даже старый, но такое положение продолжалось бы недолго: лишь столько времени, сколько нужно, чтобы отдохнуть от борьбы и набраться сил для нового восстания. Нельзя забывать, что, несмотря на насилия, сопутствовавшие революции, все же в народ проникло много новых идей, усвоение которых не позволит людям долго терпеть то, что они переносили безропотно тысячелетия. Революционные идеи глубоко проникли в толщу русского народа, особенно крестьянской массы, хотя в отношении последней, может быть, и в своеобразном преломлении, но факт этот остается фактом, и не считаться с ним нельзя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отсутствие патриотизма. — Шкурничество интеллигенции и буржуазии. — Интервенция не вызовет национального негодования.

Переходя к дальнейшему изложению моих наблюдений над Сибирью, я должен отметить полнейшее отсутствие патриотизма у народа. Это — черта, носящая общий характер и представляющаяся чрезвычайно важной при оценке обстановки и данных для вооруженной интервенции. Я очень внимательно следил за общественными настроениями в момент хода мирных переговоров¹⁾, подписа-

¹⁾ Брест-литовских. (Прим. переводчика.)

ния мира, возобновления военных действий и т. п., и я должен констатировать полнейшее равнодушие, полнейшую индифферентность населения к совершающимся событиям.

Я не слышал ни одного протеста, ни одного негодующего движения или возгласов в толпе при получении известий о самых постыдных катастрофах. Сибирь находится далеко от фронта, и все эти вопросы для сибирского населения глубоко безразличны, лишь бы только мир был поскорее заключен. Не думаю, чтобы в коллекции различных газет за пять месяцев, привезенных мною из Сибири, можно было бы встретить хотя бы раз слово «Родина» или «Россия». В этих газетах не найти и намека на стыд за понесенные национальные унижения. Изредка только несколько интеллигентов затрагивают эту тему в статьях, в большинстве случаев полемически, да и то лишь для того, чтобы использовать ее в качестве сильного аргумента.

Это — с одной стороны. Зато, с другой стороны, вы встретите множество русских, покидающих пределы своей родины, которые вам с поразительной легкостью и беспечностью заявят, что им «стыдно называться русскими», что они, впрочем, вовсе не русские, а, скажем, «поляки», черкесы, все что угодно, казаки даже или просто люди, считающие себя нейтральными во всем том, что происходит. Все эти люди — типичные шкурники: они отрекаются от своей родины исключительно для того, чтобы отправиться туда, где им кажется легче и лучше жить, а главным образом, для того, чтобы не рисковать своей шкурой на различных фронтах, открывающихся то там, то здесь. Я ни разу не встретил людей, на которых события подействовали бы в таком смысле, что они решили замкнуться в скромное и тихое существование; беспшальные увеселения и кутежи продолжались все время, даже

в период самых тяжелых событий. Впрочем, чего можно ожидать от таких людей, которые самым гостеприимным образом принимают у себя, за своим столом, германских и австрийских военнопленных офицеров, встречаются с ними в ресторанах, в театрах, на вечерах только потому, что это «милые люди». И все это происходит как раз в то время, когда имеют место трагические события, о которых я выше говорил. В этих фактах — такая духовная безалаберность, такое отсутствие патриотизма ²⁾, которые просто-напросто обезоруживают критика. Приходится поневоле признать, что люди эти не понимают того, что они делают. Вам приходится сталкиваться с абсолютным отсутствием антипатии к немцу, несмотря на все события, имевшие место на фронте и в прифронтовой полосе. В Сибири же я столкнулся с известным враждебным отношением только лишь по отношению к японцу ¹⁾, да и то не вследствие каких-нибудь более или менее значительных мотивов национального порядка, а исключительно потому, что из всех иностранцев, японец по внешности и по отношениям — самый неприятный, и только.

Поэтому, при обсуждении плана интервенции нам не придется опасаться пробуждения чувства национальной гордости и чести. Отношение населения к иностранному вооруженному вмешательству будет рассматриваться только с точки зрения полезности или вреда его для инте-

¹⁾ То, что Писон понимает и освещает как отсутствие патриотизма, в действительности выражало собой неутолимую жажду мира.

²⁾ Вся довоенная политика царского правительства на Дальнем Востоке носила усиленно агрессивный характер, который привел бы к новой русско-японской войне, если бы не русская революция. Культурная работа царского правительства в том и заключалась, чтобы создать анти-японские настроения среди сибирского крестьянства. Не удивительно поэтому, что анти-японские настроения господствовали в Сибири более, чем анти-германские. (От ред.)

ресов отдельных частных групп. Ни в ком из русских такое вмешательство не оскорбит национального чувства, национального самолюбия. Меня сотни раз уже спрашивали, отчего мы так медлим с интервенцией, но я ни разу не слышал ни одного слова протеста против интервенции, с чьей бы стороны таковая ни предполагалась, даже если бы она предполагалась со стороны немцев.

Другой характерной для Сибири чертой является глубоко либеральная, демократическая или даже социалистическая сущность всех составных частей комплекса, образующего общество. Сибирской аристократии, как таковой, не существует. Помещичьего класса тоже нет, не существовало и мелкого дворянства.

Высшие круги сибирского общества включали в себе исключительно высшее чиновничество, бежавшее при первых раскатах революционной грозы. Чиновничество это ничем, разумеется, не было связано с коренным сибирским населением.

Далее идет богатое купечество, в некоторых случаях — очень богатое, появившееся и укрепившееся со времени постройки железной дороги: этой социальной группировке не больше двадцати лет от роду, и нужно сказать, что состав ее непостоянен, так как люди, стяжавшие в Сибири известное состояние, за редкими исключениями, в Сибири не оставались. Разумеется, и этот класс людей не может считаться органической составной частью сибирского общества.

Остаются, значит, коренные сибиряки, политические ссыльные и интеллигенция, группирующаяся вокруг Томского университета. Последние две группировки накладывают особый, либеральный по существу, отпечаток на сущность сибирского общества, на политические настроения и общественное мнение Сибири.

Крестьяне-сибиряки находились в течение долгих десятилетий под давлением этих политических настроений, и поэтому сибирского крестьянина нужно считать значительно более развитым и значительно более либерально настроенным, чем коренное российское крестьянство. Сибирского крестьянина едва ли можно считать сторонником политической реакции, т.-е. возврата к старому порядку, так как он вообще не является сторонником политического строя, связанного с ущемлением его свободы, как бы этот строй ни назывался.

Эту психологию сибирского крестьянина нужно тонко учесть при выработке плана интервенции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Социальное расслоение сибирского общества. — Профессиональные объединения. — Национальные группировки. — Политические партии: социалисты-революционеры и их роль в Сибири; другие партийные группировки; беспартийная интеллигенция и буржуазия; авангард большевизма.

Перейду теперь к вопросу, являющемуся, по-моему, едва ли не самым существенным для нас, — к вопросу о социальном расслоении сибирской общественности.

Начну с правящих группировок. Нужно сказать, что в критический момент эти группировки не выполнили своего долга. С их стороны в первый момент была попытка приспособиться к новым, созданным революцией, обстоятельствам; это стремление приспособиться было доведено до крайних пределов, но как только становилось необходимым определенно выявить свое лицо и стать в открытую оппозицию к новой власти, все они сдали позиции и бежали, не оказав сопротивления, и, чем выше на иерар-

хическою лестнице стоял данный чиновник, тем более подло и нечестно бросал он свой пост. Магистратура, судейские чины, явились исключением из этого общего правила; все они почти оказали большевикам открытое, если не сопротивление, то неповиновение, большинство дали себя арестовать, но и их поведение оказалось бессмысленным и бесполезным.

Об армии я не говорю: поведение ее общеизвестно.

Государственные служащие в общей массе приспособились, как и высшие чины, к обстоятельствам и пытались сохранить свои места при правительстве Керенского; они пытались проделать то же при большевиках, приспособляясь до крайних пределов, до тех пор, пока это представилось возможным¹⁾. Те из них, которые сохранили свои службы при большевиках, ступшевались, стали очень маленькими...

Городские самоуправления держались до крайних пределов, но в большинстве случаев — по силе инерции. Некоторые самоуправления оказали большевикам сопротивление, но ни одно не перешло к активным действиям: все сопротивление свелось к громким фразам, к бумажным резолюциям, не имевшим никаких практических последствий; организованного же сопротивления большевикам никто не оказал.

Духовенство меня поразило больше всех. По общему мнению, отделение церкви от государства и секвестр церковного имущества должен был вызвать у русского народа, славящегося своей религиозностью, значительный взрыв негодования. На деле однакоже ничего подобного, повидимому, не случилось. Духовенство, ни во что не вмести-

¹⁾ Пизон, очевидно, был мало осведомлен об организованном саботаже интеллигенции в первые дни Октябрьской революции. Отсюда вытекает его недооценка контр-революционной роли русской интеллигенции и служилого элемента.

вавшееся, пока личные интересы его не были задеты, не сумело оказать соответствующего влияния на массы, когда за него взялись всерьез большевистские власти, и теперь можно считать, что духовенство, как определенный политический фактор, сошло совершенно со сцены¹⁾.

Довольно интересна интеллигенция, особенно та, которая группируется вокруг университетов, в частности — вокруг Томского университета. Профессор, в общей сложности — люди с передовыми взглядами, и все они сразу стали на сторону революции. Но как только события приняли серьезный оборот, их интеллигентская сущность, их мягкотелость сразу выявилась: они пытались бороться против большевистской авантюры, конечно, — только пером и в редких случаях — путем публичных выступлений, но никто из них не боролся против большевиков действием, ибо никто из них не вышел на улицу, и в очень редких случаях они выходили на широкую политическую арену. В большинстве же, когда события приняли решительный оборот, они забились в свои углы, ничем себя не проявляя и спокойно ожидая конца событий. Никто из них не скрывал своего стремления жить тихо, не обращая на себя внимания, и сохранить за собой свое жалованье.

Молодежь, в общем, оказалась гораздо более революционно-настроенной, чем отцы. Передовые элементы этой молодежи, студенчество, дали значительное число работников в различные политические комитеты, но главная масса молодежи осталась сторонницей умеренных политических идеалов и, в момент захвата власти большевиками, энергично боролась против них. Эти юноши

¹⁾ То же самое и в отношении духовенства. Последнее сошло со сцены значительно позже, вместе и наряду со всей белогвардейщиной. Разве тихоновщина — не воплощение махровой контр-революции... Пишон не учел того, что при победе контр-революции он наверное получил бы место святого. (От ред.).

оказались мужественнее и честнее стариков: не раз шли они и в бой против большевиков. Газеты, издаваемые студенчеством, довольно умеренны, но я лично не верю совершенно в то, чтобы оно было способно в один прекрасный день пополнить ряды сторонников реакции.

Военная молодежь: юнкера, кадеты и т. п., воспитанная в военных традициях, в общей массе дала весьма мало революционеров: много идеалистов из их среды бесмысленно погибло во время июньского наступления, предпринятого Керенским; большая часть этой молодежи оказалась ярко контр-революционной и открыто выступила против большевиков. Роль их в Петрограде, Москве, Иркутске и других местах общеизвестна, и подробно останавливаться на ней не приходится.

Среди этой молодежи можно было бы найти кадры людей, готовых пойти на интегральную контр-революцию, вплоть до восстановления царизма; но численно молодежь эта слаба, разрозненна и все еще находится под впечатлением разгрома. Кроме того, они недоверчиво относятся ко всяким новым предложениям выступить активно, ибо каждый раз, когда они до сих пор выступали, их бросали в дело без предварительного выяснения объективных условий, обещанной помощи им не присылали, и, в конце концов, они бесцельно и бесполезно приносили в жертву свои жизни.

Итак, сказанное о правящих группировках можно резюмировать следующим образом: бывшие высшие чины сибирских административных учреждений, на обязанности которых лежала активная борьба против большевизма, ничего фактически не сделали; они готовы приветствовать любую реакцию, но пальцем о палец не ударят, чтобы помочь нам в этом направлении, если только это будет связано с малейшим риском; далее, имеется военная молодежь, ряды которой значительно поредели, но которая

боролась и готова и впредь бороться в пользу любой реакции: у этой молодежи не достает вождей, и она боится новых необдуманных и плохо подготовленных авантур. Наконец — школьная и университетская молодежь, довольно активная, но определенно настроенная в сторону либеральных идей.

Теперь рассмотрим, что представляет из себя сибирская буржуазия. Должен оговориться, что в понятие слова «буржуазия» я вкладываю значение класса, владеющего капиталом и этим капиталом оперирующего, в противовес классу людей, живущих исключительно от результата собственного производительного или умственного труда.

Итак, о сибирской буржуазии я должен прежде всего сказать, что старой сибирской буржуазии не существует, так как Сибирь, как промышленная страна, еще очень молода.

Крупных землевладельцев я не знаю, так как мне приходилось сталкиваться только с городской буржуазией, с торгово-промышленным классом. И нужно сказать, что этот класс несет большую ответственность за происходящие события. Стремясь к реализации наибольших выгод, к постоянной наживе, городская буржуазия в этих целях проглядела все политические и военные события, спекулируя на чем только это представлялось возможным и совершенно не считаясь с тем, что как страна, так и они сами катятся по наклонной плоскости. Во все время революции в Сибири наблюдалась самая злостная спекуляция, со всем развратом, который ей сопутствует, со всем народным озлоблением, которое она обычно вызывает. И когда большевики, в начале своего управления в Сибири, оказались при пустой казне и были лишены возможности получать подкрепления наличностью из Петрограда, они получили нужные им средства от буржуазии: последняя дала им то, что они просили, лишь

бы сохранить возможность проводить свои операции, продолжать спекуляцию. В этом отношении сибирская буржуазия в точности повторила то, что делали в средние века купцы, которые платили дань разбойникам, предпочитая такой метод — методу вооруженной борьбы.

Такие факты я констатировал и в Екатеринбурге, и в Томске, и в Красноярске, и в Иркутске. Буржуазия везде, постольку, поскольку ее не брали еще непосредственно за шиворот, предпочитала откуп вооруженной борьбе.

И даже больше: нужно сказать, что буржуазия имела во многих случаях самое пагубное влияние на события, особенно тогда, когда имела место вооруженная борьба. Возьмем, например, Иркутск. В городе идет бой между казаками и юнкерами, с одной стороны, и большевиками — с другой. Юнкера явно имеют перевес: еще немного, и победа на их стороне. Буржуазия же не только не вышла из подвалов, куда она пряталась от пуль, но она же привела всеми своими усилиями к прекращению «братоубийственной бойни», конечно, не потому, что в этом случае русские убивали русских, а лишь потому, что от пуль и снарядов могли пострадать особняки и вообще имущество буржуазии. Прежде всего они добились разоружения сторон, чтобы прекратить состояние войны, когда город был превращен в вооруженный лагерь. Буржуазия, таким образом, обезоружила своих же защитников и добилась такого компромиссного выхода из положения, который в конце концов оказался на пользу только большевикам.

Такой же случай имел место в Барнауле и в Красноярске, где, чтобы избежать боя в городе, казаков эвакуировали в деревню. То же самое произошло и в Чите, где все было сделано для того, чтобы вывести казаков из города, несмотря на то, что они фактически держали в своих руках всю власть. Потом, когда казаков вывели из города,

были приложены все усилия к тому, чтобы заставить обе стороны разоружиться. Через несколько дней, как и нужно было ожидать, власть целиком перешла к большевикам, они же оказались хозяевами всех запасов оружия, имевшихся в городе.

После того, как были закрыты банки, и спекулятивные операции стали затруднительны, а с другой стороны, — появились чрезвычайные налоги, контрибуции и реквизиции, буржуазия подумала об организации сопротивления, но, увы, слишком поздно. Тогда большинство представителей имущего класса задумало реализовать свое имущество и бежать за границу. Последнее вскоре стало затруднительно, так как, дабы воспрепятствовать исчезновению объектов обложения, большевики стали всеми силами противиться выездам и преследовать тех лиц, которые заявляли желание выехать.

Вообще же нужно сказать, что буржуазия оказалась совершенно лишенной гражданского мужества и предусмотрительности: не занимаясь политикой, а стремясь только к наживе, она входила в нелепые, с логической точки зрения, сделки с злейшими своими врагами. Теперь она взывает о помощи, при чем ясно, что, будучи по духу глубоко реакционной, она будет приветствовать любую реакцию. Судить о моральном облике буржуазии мы можем по тем экземплярам, которых мы видим в Харбине и Пекине: все они вывезли из России значительные суммы денег и живут, в средствах не стесняясь.

Перейдем теперь к крестьянам. Все те лица и группировки, которые заявляют, что «за ними крестьянство», обманываются и нас обманывают. Интеллектуальный уровень крестьянской массы весьма низок, и показателем этого явились различные выборы, во время которых крестьянин давал свой голос тому, кто больше ему обещал реальных выгод. Крестьянам не приходилось принимать

непосредственного участия в революционной борьбе: каждая деревушка проделала самостоятельно свою местную революцию, совершенно не заботясь о соседях; в общей массе крестьянин очень доволен тем обстоятельством, что полученная свобода дала ему «право» рубить казенные леса бесплатно, пользоваться бесплатно всякими бывшими казенными угодиями и т. п. Колоссальному повышению цен на продукты сельского хозяйства крестьянин также весьма рад: он начал копить деньги.

Теперь в России деньги стали редки: трудно разменять крупный билет, а между тем ежедневно выпускается около 60 миллионов рублей бумажных денег, т.-е. около двух миллиардов рублей в месяц. Все это поглощается страной, впитывающей бумажные деньги, как сухая земля влагу. Таким положением вещей страна в значительной мере обязана крестьянину, производящему пищевые продукты, — единственное, продажу чего нельзя запретить, — и ничего не покупающего, так как мануфактуры в продаже совершенно нет, нет и земледельческих орудий.

Таким образом, началось накопление богатств в виде бумажных денег: крестьянин еще раньше, чем буржуа, потерял доверие к банкам и сберегательным кассам и начал прятать деньги в кубышки, при чем главным образом прячутся кредитные билеты царского выпуска, так называемые «романовки».

Крестьянин, таким образом, стал богаче горожанина, и сплошь и рядом можно наблюдать, что он отказывается от заработка, за который раньше он ухватился бы с жадностью; так, например, почти невозможно найти рабочих для очистки железнодорожного пути от снежных заносов, несмотря на высокую плату: 10 рублей в день и 20 рублей с телегой.

И тем не менее, несмотря на это внешнее благополучие, крестьянин проявляет за последнее время сильное

признаки недовольства, так как на свои деньги он ничего купить не может. Ему нужны орудия, а их нет: простая коса стоит, минимум, 40 рублей, гвозди продаются поштучно, и по чрезвычайно высокой цене. Нет полотна (во многих губерниях не во что завернуть новорожденных, как, например, в Тобольской губернии), совершенно нет чая (как, например, в Омской губернии). Крестьяне в отдельных случаях объявили даже бойкот городу, отказываясь поставлять мясо и хлеб до тех пор, пока им не дадут в обмен чай.

Таким образом, взаимоотношения между городом и деревней вступили в такой фазис, когда начинается чисто обменная торговля; изверившись в деньгах, крестьянин за деньги больше ничего не продает. Но так как, с другой стороны, государство нуждается в продуктах сельского хозяйства, в ржи, сене, и т. п., то власти не останавливаются и перед принудительным отчуждением, перед реквизициями. В результате — во многих случаях активное сопротивление со стороны крестьян, но чаще всего крестьянин перестает работать, разрабатывая ровно столько земли, сколько ему нужно, чтобы прокормиться. Посевная площадь, таким образом, сокращается с каждым днем все больше и больше.

Другой причиной недовольства в среде крестьянства являются налоги. Большевики не могут накладывать налогов на рабочих, промышленность не существует, торговля разорена, банки закрыты, буржуазия бежала, капитал исчез. И вот власть вынуждена облагать крестьянство, но последнее весьма неприязненно относится ко всем мероприятиям власти в этом направлении: так, очень плохо встречен налог в сто рублей с головы скота свыше трех, в сто рублей с десятины свыше двух и т. д.

Крестьяне зачастую говорят, что они работают, в то время, как городские рабочие ничего не делают, и что

теперь они, крестьяне, кормят всю Россию, в то время как город не дает им больше нужных орудий. Они заявляют, что не хотят платить 40 рублей за косу исключительно для того, чтобы дать заработок русскому рабочему-лен-тяю, в то время как заграничная коса стоит каких-нибудь три рубля; что интересы крестьянства не сходятся с интересами городских рабочих, представляющих из себя меньшинство населения, в то время как крестьян подавляющее большинство. Указывают крестьяне и на то, что в Советах, с крестьянскими депутатами считаются весьма мало и т. д. и т. п. От этих заявлений до предположения, что крестьянин настроен контр-революционно — один шаг. И, тем не менее, такое предположение явилось бы в корне ошибочным.

Крестьяне слышать больше не хотят о жандармах, урядниках, лесничих, — вообще о представителях прежней администрации.

Им сказали, что земля принадлежит им, и, хотя они не обрабатывают и тех наделов, которые у них уже имеются, все же лозунг этот им пришелся по душе.

В каждой деревне имеются теперь винтовки, в некоторых случаях — даже пулеметы, завезенные туда демобилизовавшимися солдатами; сами же демобилизованные завозят в деревни идеи, гораздо более опасные, чем винтовки и пулеметы. Крестьянин еще не сказал своего последнего слова в революции, и, если существующее теперь в его среде недовольство углубится, возможно возникновение жакерии, грабежа городов, вооруженными крестьянами. Если же удастся хотя бы в слабой мере удовлетворить потребность деревни в мануфактуре и фабрикатах, все уладится.

Дело в том, что к крестьянину нельзя подойти путем печатной агитации, так же, как нельзя почти ничего сделать и путем устной, живой пропаганды. Сибирский кре-

стьянин в политическом смысле этого слова совершенно не организован. Зато к сибирскому крестьянину можно подойти через потребительские кооперативы, сильно распространенные в Сибири и завсёвавшие крепкие симпатии крестьянского населения. В этих кооперативных объединениях работает много интеллигенции, по преимуществу — социалистов, хотя обычно — социалистов умеренных оттенков ¹⁾. Зачастую кооперативные объединения пытались даже играть политическую роль: так, например, в Омске в декабре прошлого года кооперативные объединения вели определенную работу против большевиков, и несомненно, что эти кооперативные объединения могут явиться тем организующим началом, на которое можно будет опереться при интервенции. Сибирский крестьянин питает значительное доверие к кооперативам и активно в них участвует. Но, как бы ни было, в заключение нужно сказать о сибирских крестьянах, что это в общем слепая, а потому и опасная сила. Единственный момент, который при известной ловкости может быть использован в борьбе против большевиков, это нарастающий за последнее время во все большей и большей степени антагонизм между городом и деревней. Нужно использовать антагонизм, существующий между интересами крестьянства и интересами городского рабочего ²⁾.

Дальше нам следует остановиться на рабочих. О них много говорить не приходится: все знают, что они в громадном большинстве настроены социалистически и представляют из себя авангард большевизма.

¹⁾ Сибирская кооперация была в тот момент исключительно эсеровской. (*От ред.*)

²⁾ Если бы было верно то, на что рассчитывал Пишон, то русская революция не только не победила бы внешней и внутренней контр-революции, но и не прожила бы двух недель. В том то и дело, что сила пролетарской революции была именно в несокруши-

Был момент, когда многие выражали надежду, что, ввиду отчаянного положения промышленности и колоссального роста безработицы, положение изменится, и рабочий, доведенный до отчаяния безработицей, анархией и голодом, повернется против большевиков. На практике этого, однакоже, не произошло: большевики великолепно учли положение и грозящую им опасность и приложили все усилия, чтобы, несмотря ни на что и во что бы то ни стало, кормить рабочего. И крестьянин, пожалуй, прав, когда заявляет, что рабочий в настоящее время является паразитом, живущим на его счет.

Почти повсеместно рабочие взяли в свои руки управление фабриками и заводами, однако последние не работают в большинстве, вследствие отсутствия сырья, изношенности машин и т. п. причин материального характера, не говоря уже о том, что, вследствие неумелого обращения, пришлось зачастую наблюдать порчу деликатных машин, остановку электрических станций и т. п. При таком положении понятно, что число безработных растет не по дням, а по часам. Правительство кормит всю эту армию безработных. Многие из них, впрочем, нашли великолепный выход из положения, вступая в Красную Гвардию, а затем в формируемую теперь Красную Армию. Здесь тоже всем добровольцам и завербованным гарантировано продовольствие и паек для семьи. Положение красногвардейца, пожалуй, даже лучше положения просто безработного, так как красногвардеец за все время пребывания

мом союзе рабочих и крестьян. Французский контр-разведчик, тенденциозно подыскивая почву для интервенции, проглядел такую силу, как союз рабочих и беднейшего и среднего крестьянства. В процессе гражданской войны стало ясно, что чем больше угрожала генеральско-помещичья опасность, тем крепче становился рабоче-крестьянский блок.

своего в строю сохраняет то жалование, на которое он имел право, будучи рабочим. Такие солдаты дорого обходятся стране, но, с другой стороны, понятно, что они становятся ярыми приверженцами столь выгодного для них режима.

Поэтому нужно считать совершенно определенно, что городской рабочий — против нас. В отношении рабочих вне городских производственных центров, как, например, углекопов, положение для нас несколько лучше, так как эти рабочие, будучи далеко от начальства, находятся в продовольственном отношении в несколько худшем положении, чем городские рабочие. Количество рабочих в таких центрах иногда бывает довольно значительно: от 15 до 45 тысяч человек. К ним можно было бы подойти через посредство кооперативов. В этом направлении наша Иркутская комиссия проделала очень интересный и вполне удачный опыт.

Перейдем теперь к профессиональным группировкам. Их очень много во всех городах, и все они в своей работе руководствуются известными политическими тенденциями, от умеренного либерализма до коммунизма включительно. Для нас профессиональные организации представляют малый интерес. Из всех объединений профессионального, производственного и потребительского характера, для нас могут представить реальный интерес только лишь кооперативные объединения, о которых я говорил выше и которые, объединяя самые животрепещущие по настоящему моменту интересы весьма значительных групп населения, могут оказать то или иное влияние на политические настроения этих групп населения (подчеркнуто нами).

Это мы учтем.

Юристы и бывшие судебные деятели в ноябре совершенно порвали с большевизмом, так как юридические принципы новой власти ни в какой мере не представлялись приемлемыми. Этим людям обрабатывать нам не придется: они сами, когда наступит время, к нам придут. Не следует забывать в этом отношении, что здесь, как и у нас, значительное число адвокатов являются профессиональными политическими деятелями.

Банковские и биржевые деятели, разумеется, также целиком на нашей стороне, и, как только мы появимся, они к нам придут, но не следует забывать, что это скорее организационная сила, чем сила боевая, и поэтому на них в этом последнем отношении рассчитывать не приходится.

Железнодорожные и почтово-телеграфные служащие. Их я сознательно оставил напоследок, так как это, пожалуй, самые важные группировки, в настроениях которых нужно разобраться весьма подробно и осторожно, и в отношении которых необходимо усвоить весьма деликатный, вдумчивый метод действия. Железная дорога и почта и телеграф во всех странах занимают в государственной жизни командное положение, роль же их в русской революции оказалась во многих случаях решающей. Ясно, что та сторона, которая имеет в руках телеграф, может быстро сноситься со своими сторонниками и руководить операциями, в то время, как противник, лишенный связи со своими сторонниками, действует неуверенно, разрозненно и терпит поражение за поражением. Точно так же, та сторона, которая имеет в своих руках железную дорогу, может производить свои воинские перевозки и противиться воинским перевозкам своего противника. Можно сказать, что две эти организации — железнодорожники и почтово-телеграфные служащие — всегда стоят за порядок, так как наличие порядка в стране является

одним из существенных условий их работы. Они не большевистски настроены или, по крайней мере, не были так настроены в марте с. г., и, несмотря на то, что многие низшие служащие из их рядов входят в состав местных советов рабочих депутатов, все же я не думаю, чтобы вся масса их присоединилась к большевизму.

Однако это вовсе не значит, что мы можем всецело на них рассчитывать, как на силу, на которую мы можем опереться. Для того, чтобы понять ошибочность такого предположения, достаточно вспомнить некоторые факты: в октябре 1917 года Викжель (профессиональная организация железнодорожников) был определенно настроен анти-большевистски. Красная Гвардия и моряки захватили Петроград. Войска северного фронта бросились к столице, и в это время железнодорожники разбирают путь. По такой же причине вынуждены остановиться и войска, шедшие на выручку с Украины. Благодаря этому победа осталась за большевиками. Чем объяснить такую позицию железнодорожников? Исключительно тем, что движение войск на столицу было названо «контр-революционной авантюрой». Этим словом все было сделано. Железнодорожники и почтово-телеграфные служащие захотели во что бы то ни стало сохранить марку революционеров, и только поэтому они разобрали путь, по которому двигалась «контр-революция».

То же самое может, если понадобится, произойти и завтра. Пример есть: Семенов уже имел целый ряд трений с железнодорожниками.

Тем не менее, можно заполучить эти важные профессиональные группы в качестве союзников, но действовать нужно чрезвычайно осторожно, чтобы не превратить их в своих врагов: контакт с ними необходимо сохранить постоянный, и это тем более, что как раз в настоящее время в Иркутске происходит съезд железнодорожников, на ко-

тором, разумеется, будут приложены все усилия для того, чтобы окончательно их привлечь на сторону большевиков. Мы, с своей стороны, должны все сделать для того, чтобы удержать их в противоположном политическом лагере.

Теперь о национальных и религиозных группировках.

Еврейская молодежь играет значительную роль в политических событиях в Сибири. Среди большевиков евреев очень много. Иркутское большевистское правительство, носившее полуавтономный характер, состояло почти исключительно из евреев. Однако в деревнях евреев нет почти совершенно.

Мусульмане, наоборот; являются в большей части представителями сельского населения; они живут в тех же экономических условиях, описанных выше, что и русское крестьянство. Тем не менее, мусульмане, особенно семипалатинские киргизы, представляют из себя более компактное целое; они значительно более дисциплинированы, чем русские крестьяне, и в настоящее время почти все вооружены. Большевистские идеи не проникли еще в толщу киргизского населения, и поэтому киргизы представляются для нас чрезвычайно интересными, особенно, если принять во внимание их положение на Сибирской железной дороге и их тесную связь с оренбургскими и пермскими киргизами. Следует помнить в частности, что у них был представитель при автономном сибирском правительстве Потанина в Томске.

Киргизы могут быть на нашей стороне, и мы должны все сделать, чтобы заручиться их сотрудничеством. Это не так трудно.

Относительно казаков существует также много ложных представлений. Много самых невероятных надежд возлагалось на казаков, и всегда эти надежды оказывались обманутыми. Будучи богаче крестьян, казаки представляют сословие с крепкой внутренней спайкой,

в толщу которого, как многие предполагали, идеи большевизма ни в коем случае проникнуть не могут, и которое считалось надежнейшей опорой старого режима. В начале они несколько раз шли против революции. Затем, под влиянием массового презрения, проявленного к ним во многих районах, где их называли «жандармами революции», они постепенно отказываются от активных действий где бы то ни было вне пределов их войсковых территорий. Примеров этому много: в Оренбургской губернии, генерал Дутов, оставленный своими казаками, увидел себя вынужденным в феврале месяце т. г. бежать, хотя причиной этого бегства было отчасти и то, что уфимские железнодорожники, с которыми он не поладил, отказались перевезти его войска, разрешив в то же время большевикам воспользоваться всем наличным подвижным составом.

На Дону атаман, генерал Каледин, вовсе не уверен в своих сторонниках. Он пока держит их в руках только потому, что сам остается на территории донского войска, по стоит ему отлучиться, хотя бы ненадолго, как вся его организация распадется, как карточный домик. Держатся казаки вокруг Каледина, пожалуй, еще и потому, что не хотят отдавать свои земельные угодья и надеются вооруженной борьбой сохранить за собой все те преимущества, которыми они пользовались при царе.

Енисейские казаки немногочисленны и поэтому не могут оказать сколько-нибудь значительного содействия в борьбе против большевиков.

На Амуре казаки, которых было около 35 тысяч человек, не смогли ничего сделать. Дисциплина у них пошатнулась, и вообще наблюдается разложение. Атаман Гамов в Благовещенске сумел поднять против большевиков лишь совершенно незначительное количество казаков, именно тех, которые подпали под непосредственное его влияние. Есаул Семенов, одно время даже угрожавший

Чите, не сумел, несмотря на помощь союзников, развить в сколько-нибудь значительной мере свои операции.

Казаки, в общем, как самодовлеющее целое, начинают разлагаться: замечается уже и у них дробление на сторонников той или иной политической ориентации, есть даже большевики среди казаков. Я лично видел таких в Иркутске и Чите, в отрядах, оперирующих против Семёнова. Наконец, молодежь казачья определенно заявляет, что «свобода» — «хорошая штука».

Уссурийские казаки до настоящего времени ничем активно себя не проявили.

Таким образом, приходится, суммируя все эти данные, сказать, что казачество уже не является слепой силой, готовой беспрекословно пойти на какое угодно контр-революционное дело. В отношении же того, что нас интересует, конкретно можно сказать, что казаки, может быть, не пойдут против нас, но они также не станут слепо и необдуманно на нашу сторону.

Перейдем, наконец, к анализу роли и положения политических партий в Сибири.

Нужно сказать, что изучение этого вопроса представляет известные затруднения. Я очень сожалею, что не располагаю здесь всеми своими документами, в частности теми, которые относятся к выборам в Учредительное собрание, в то самое Учредительное собрание, которое было разогнано 5-го января, в день своего открытия. Выборы эти, разумеется, проходили под известным давлением, и тем не менее они зачастую дали совершенно неожиданные результаты, являясь тем самым доказательством того, что герои дня вовсе не обладали возможностью совершенно аннулировать свободу голосования. По этим выборам прошло очень много демаршегов, старые же буржуазные классы почти никого не продвинули в указанный представительный орган. Это обстоятельство характерно: оно

показывает, насколько народ потерял всякое доверие к старым партиям буржуазной интеллигенции, которая раньше являлась идейным руководителем этого народа. Впрочем, это и не удивительно, если принять во внимание, что буржуазные партии вели себя самым постыдным образом как в период, предшествовавший революции, так и во время самой революции. Я уже не говорю про армию, где отношение офицеров к солдатам предопределило избирательные настроения солдатской массы.

Здесь я могу привести только круглые цифры относительно выборов в Учредительное собрание: помню, что из числа первых 400 депутатов было приблизительно 125 большевиков, 175 эсеров и около сотни кадетов и лиц, принадлежащих к различным независимым группировкам, как-то: киргиз, казаков, мусульман, социалистов различных оттенков, беспартийных и т. п. И, как мы видели, большевикам понадобилось разогнать этот представительный орган, который, может быть, сделал бы немало глупостей, но, во всяком случае, конечно, отказался бы санкционировать те глупости, которые проделали большевики.

Численно, если соединить большевиков и эсеров, им принадлежало три четверти мест в Учредительном собрании и даже больше, если прибавить еще других социалистов. Кадеты же уже были в значительном меньшинстве, представляя из себя все же наиболее сильный оппозиционный элемент.

Как общее правило, нужно заметить, что каждый теперь в России и Сибири считает (нужным кутаться в социалистический плащ: это модное одеяние всех людей, делающих или желающих делать политику. И поэтому нельзя давать себя обманывать политическим вывескам: под ними зачастую прячутся мысли и программы, диаметрально противоположные официальным девизам. на-

чертачным на вывеске. Входя в переговоры с отдельными политическими группировками, необходимо усвоить весьма осторожный подход, выяснить внутреннюю сущность той группировки, с которой вы имеете дело, и только после этого подойти к конкретному обсуждению тех предложений, которые вам делаются.

Остановимся теперь кратко на характеристике тех политических партий и группировок, с которыми придется нам столкнуться в Сибири.

А. Б о л ь ш е в и к и. Партия эта слишком известна по своим действиям, чтобы представлялось необходимым более или менее подробно на ней останавливаться.

Хочется лишь проследить их эволюцию с момента крушения политики Троцкого. По слышанным мною в Сибири разговорам, в партии существуют два течения, из которых одно стоит за проведение полной программы социалистических реформ, это — группа последователей Троцкого; другое течение не хочет нести ответственности перед страной за существующую политическую разруху; представители этого течения стремятся отделиться от основного ядра партии и приближаются по своей программе к эсерам. По словам майора английской службы Вильяма Фитца, приехавшего в Пекин 4-го апреля с. г., работе этой группы мы обязаны муссируемыми в настоящее время разговорами о возможности сближения с большевиками, о возможности прекращения нашей борьбы против них, в связи с изменением их программы и линии поведения. Нужно еще отметить, присутствие в рядах большевиков нескольких бывших заядлых монархистов, в частности — видных агентов царской полиции. Как некоторые лица склонны утверждать, эти монархисты проникли в ряды большевиков исключительно с целью вызвать в их рядах разложение; они будто бы являются членами черносотенных органи-

заций, избравших провокацию в качестве способа борьбы против большевизма. Я лично должен сказать, что не верю в эти истории и считаю, что все эти слухи ни на чем не основаны. Одно для меня совершенно ясно: большевистская партия, связанная с Лениным и Троцким, проводит в жизнь политическую и социальную программу, которая настолько резко и полно расходится со всеми принципами государственного управления, усвоенными другими державами мира, что найти общую точку с нею не представляется возможным.

Я совершенно не допускаю возможности какого бы то ни было сотрудничества с большевиками, какого бы то ни было соглашения с ними теперь же или в более или менее отдаленном будущем. И я не считаю, чтобы раскол в рядах большевиков, если бы таковой случился, мог принести нам какую бы то ни было пользу, если только отколовшаяся группа не откажется категорически от проведения чисто социалистической программы и не усвоит иной взгляд на частную собственность, на подписанные международные обязательства и на установившиеся международные взаимоотношения.

Б. Социалисты-революционеры. Под этой маркой группируются, в сущности, социалисты различных оттенков и даже замаскированные кадеты.

Численно эта партия больше партии большевиков и, тем не менее, она не сумела удержать власть, в силу разногласий в руководящем аппарате ее. По тем же причинам они не сумели организовать сопротивление большевистскому перевороту.

Неудача партии во многих отношениях объясняется первенствующей ролью теоретиков в руководящем аппарате ее; руководители партии доктринеры, а отнюдь не люди дела.

Во время первого разговора моего в Томске с некоторыми лидерами партии эсеров, председатель тамошнего комитета партии дал мне любопытный образчик идеологической концепции партии:

«Мы не опираемся на силу, — заявил он мне, — мы не хотим пользоваться силой и насилием. Всякая власть, установленная при помощи штыков — это нарушение воли и прав народа. Мы опираемся исключительно на волю народа, которая сильнее оружия»... и т. д., и т. п. Он развивал передо мною теорию законности, свободных выборов и т. п. теории, до наивности смешные, особенно в настоящий момент, когда большевики систематически прибегали в резких актах насилия для того, чтобы утвердить свою диктаторскую власть и чтобы при помощи пулеметов навязать населению восприятие их идей социальных реформ.

Следует отметить позицию партии социалистов-революционеров в различных городах Сибири в период захвата власти большевиками, чтобы создать себе цельное мнение о политических тенденциях этой партии.

Партия стоит за Учредительное собрание, в котором видит единственную законодательную власть; это положение эсеры защищают активно: в Петрограде эсеры вместе с кадетами дают себя арестовать, в Москве заключено в тюрьму около 40 эсеров.

До разгона Учредительного собрания партия эсеров шла на сотрудничество с большевиками ¹⁾. С этого же момента она окончательно и решительно порывает с ними. Сибирские эсеры в Томске также заявляют об отказе от какого бы то ни было сотрудничества с большевиками

¹⁾ Не партия эсеров в целом, а только группа левых эсеров принимала участие в Октябрьском восстании в первые его дни. (От ред.)

в тот самый день, когда узнают о разгоне Учредительного собрания.

Партия эсеров также против заключения мира с немцами: в Петрограде, при обсуждении в Центральном Исполнительном Комитете условий мира, за заключение договора голосуют только 116 большевиков, против — 85 эсеров, и 26 человек воздерживаются, а между тем эсеры, члены центрального комитета партии, наиболее левые из всех эсеров.

В своей чисто социалистической программе эсеры также значительно умереннее большевиков.

В манифестах сибирских эсеров, интересующих нас больше всего в данный момент, ярко намечаются следующие отличительные от большевистской программы моменты:

Сибирские эсеры постановили не признавать ни в какой степени декретов, изданных большевиками после Октября 1917 г.; считать, что только Учредительное собрание может создать законный правопорядок и выработать основные законы; частная собственность признается неприкосновенной: это — чрезвычайно существенный момент, показывающий полное расхождение эсеров с большевиками, с их широкой коммунистической программой.

Можно прибавить к этому, что социалисты-революционеры в настоящее время в значительной мере отрезвились от некоторых своих утопий 1917 года; в частности, они теперь ставят во главу угла в своей программе по реорганизации военных сил республики введение строжайшей дисциплины и тинопочитания с одновременным упразднением всяких советов солдатских депутатов в строевых частях.

Как бы ни было, а партия эсеров представляется для нас чрезвычайно

полезной, и нет сомнения, что договориться с ней будет можно (подчеркнуто нами).

В. Партия к.-д. О ней говорить почти не приходится. В Сибири кадетов очень немного, партия не насчитывает значительного числа активных членов. Тем не менее, партию эту мы можем считать всецело на своей стороне, так как партия эта всегда являлась строгим поборником законности и порядка. Препятствием нам в осуществлении наших планов кадетская партия не является.

Г. Остаются еще так называемые секретные, подпольные политические группировки. Группируют они вокруг себя людей, которые имеют те или иные причины скрываться в подпольи, в частности, всех тех, кто является действительным сторонником прежнего режима. В каждом городе, в котором я останавливался, не проходило дня, чтобы ко мне не являлись какие-то таинственные личности, заявлявшие мне о своей принадлежности к «белой гвардии», к офицерским боевым организациям или другим контр-революционным организациям. При чем они, обыкновенно, мне заявляли о том, что организация подготавливает переворот и т. п. Заседания этих группировок обычно, для большей конспирации, происходят в ночное время, когда легче укрыться от наблюдения. Характерная черта этих группировок — любовь к всевозможным протоколам, резолюциям, эмиссарам и т. п. атрибутам чисто внешнего характера. И, как всегда это бывает, все эти подпольные организации кишат предателями, так что деятельность их в большинстве случаев до мельчайших подробностей известна властям. Первейшая забота этих тайных организаций — получить деньги и играть какую нибудь роль.

Зачастую они об'являют вам об операциях, которых они фактически не выполняют, и если среди них и встре-

чаются, в редких случаях, искренние, горячие головы, готовые пойти на любое дело, то большинство, обычно трусливое, сдерживает их. Время от времени, когда готовится какое-нибудь выступление, головка подпольной организации оказывается арестованной, и члены разбегаются. Это служит лучшим доказательством того, что во всех этих организациях имеются предатели, если даже не провокаторы.

Нам лучше всего избегать иметь дело с этими организациями, так как с ними легче себя скомпрометировать, чем достичь каких-либо реальных результатов.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Заключение.—Риски и выгоды союзной интервенции в Сибири.—Объем, цели и размеры интервенции.—Какие партийные группировки надлежит союзникам поддерживать.—Об единстве действий союзников.—Официальные лозунги интервенции.

Итак, каковы же общие и конкретные заключения по следанным мною в Сибири наблюдениям? Некоторые из них вне моей компетенции, но вот основные положения.

А. Прежде всего,—принципиальный вопрос: должны ли мы организовать интервенцию, или нет.

Может быть, — не вмешиваться, предоставить России вариться в собственном соку, ждать возникновения внутреннего анти-большевистского движения, может быть, ждать добра от объединения правого крыла большевистской партии с эсерами на основе программы национального восстановления и здоровой организации управления?

Чтобы лелеять подобного рода надежды, нужно быть слишком большими оптимистами. Вот уже почти год, как мы убаюкиваем себя подобного рода надеждами. Тем временем, немцы активно действовали. Я уже говорил, что считаю обеспеченным экономическое завоевание Сибири немцами, но и военное влияние в Сибири усиливается с каждым днем. Полученные уже после моего отъезда из Сибири сведения показывают, что за последнее время с немецкими фирмами заключено несколько контрактов на поставку различного рода материалов и товаров для Сибири. Что же касается военной активности немцев, то и это представляется фактом совершенно неопровержимым: по сведениям, полученным недавно, на Селенге, к югу от Байкала, под управлением немецких инженеров и военных специалистов устроена укрепленная военная позиция.

Во всяком случае, не нам одним, разумеется, решать, следует ли начинать интервенцию или нет: этот вопрос — в компетенции всех союзников. И союзникам сообща следует решить, можно ли еще ждать, и чем мы рискуем, если начнем интервенцию. Как бы ни было, а при рассмотрении этого вопроса, следует проникнуться тем убеждением, что если мы ничего не сделаем теперь же, то, с экономической точки зрения, мы навсегда потеряем Россию.

Б. Далее идет вопрос об объеме и размере интервенции, о способах ее проведения.

Все решительно сходятся на том мнении, что только Япония может предпринять действительные военные действия. Однако вмешивать Японию в это дело не следует, если мы поставим себе лишь узкие цели или если вмешательство будет обусловлено частными интересами ее, как, например, захватом Приморья и Уссурийского края, так как эти области не являются жизненными для Сибири; они ее не снабжают, а, наоборот, сами снабжаются из Сибири. Кроме того, если мы проведем такую ограни-

ченную операцию, она покажется русским подозрительной, независимо от тех декларативных заявлений, какие мы сделаем. Практическая же польза от такой операции, повторяю, будет слаба. Интервенцию нужно провести таким образом, чтобы возможно скорее захватить всю Сибирскую железную дорогу и осуществить фактический контроль над производственными и производящими центрами. Только при таких условиях интервенция будет иметь смысл. Кроме того, действовать нужно быстро, так как с каждым днем положение осложняется, и постепенно исчезает целый ряд существовавших до настоящего времени благоприятных для нас обстоятельств. Уже три недели тому назад было поздно для организации простой полицейской карательной экспедиции в Сибирь. Теперь положение еще неблагоприятней. В частности, например, я вернусь к вопросу об организации укрепленной позиции на Селенте. Стратегическое значение этой позиции громадно. Благодаря наличию ее, мы уже не можем предпринять обходного движения через Ургу с обходом Байкала. Несомненно далее, что все Байкальские тоннели минированы, так что теперь мы уже стоим перед лицом необходимости вести регулярную кампанию, по всем правилам военного искусства.

Вопрос о том, нужно ли начинать такую кампанию, должны решить между собой союзные правительства. Я же замечу только, что никаких полумер не должно быть, нужно действовать полностью, с широким размахом. В противном случае, неизбежны обвинения Японии в том, что она преследует своекорыстные, личные цели.

В. Важно также точно определить, во имя чего и кого мы выступим. Можно выступить от нашего собственного имени, во имя обеспечения наших (Франции) интересов, скомпрометированных заключением сепаратного мира и аннулированием долговых обязательств. Можно также вы-

ступить во имя самих русских, по просьбе анти-большевистских партий и группировок. В этом последнем случае, на котором, по-моему, мы и должны остановиться, необходимо союзным правительствам точно выяснить и определить, с какими именно партиями и группами мы свяжемся и в каком размере и какого характера обязательства мы перед ними на себя примем. Этот вопрос мы должны решить, предварительно согласовав его с находящимися в России нашими агентами. Было бы, на самом деле, смешно и абсурдно, если бы, скажем, наши миссии в России работали совместно с эсерами и правым крылом большевиков над переустройством России на национальных началах, а в это же время мы бы здесь сговорились с кадетами и другими реакционерами для военного захвата Сибири. Необходимо наличие точной, определенной и выдержанной линии поведения у всех союзников.

Необходимо абсолютное единение среди союзников.

Теперь, еще один существенный вопрос: какие партии мы должны поддержать?

Я уже определенно высказался против проекта монархической реставрации. Мысль о такой реставрации проста и, разумеется, вполне осуществима, но на осуществление ее мы пойти не можем, ибо это противоречит мировой политике союзников. Мы до сих пор слишком много говорили о праве народов, о демократических принципах и т. д., чтобы теперь активно заниматься реакцией. Одни немцы могут пойти на такую реставрацию, и они ее проведут, если только это окажется в их власти.

Исходя из этого, я категорически отбрасываю мысль о том, чтобы во главе организуемого нами движения стояли слишком реакционные и старорежимные люди. Такие люди, не принося реальной пользы нашему делу, могут только придать ему в глазах широких народных масс характер открыто реакционной авантюры. Я убежден, что

только в этом кроется причина неудач Алексева, Каледина и Дутова.

Такие люди не могут быть во главе нашего движения, но это вовсе не значит, что они не могут быть с нами, сотрудничать в нашем деле.

Я также категорически отбрасываю всякую мысль о возможности сотрудничества с так называемыми «раскаившимися большевиками», под каким бы соусом они перед нами ни выступали. Большевики, как таковые, потеряли доверие в среде собственного своего народа; было бы смешно, если бы им оказали доверие союзники.

Итак, я перехожу к следующей формуле:

«Никакой контр-революции, никакого большевизма. Сотрудничество с теми партиями и политическими группировками, которые стоят на национальной, а не чисто социалистической платформе».

В этом отношении достаточно нам прочесть внимательно программы партии социалистов-революционеров, их последующие решения и постановления, чтобы понять, что это партия, с которой мы могли бы сговориться, что это партия, которую мы можем приобрести.

Еще один вопрос: в какой мере нам обязываться перед теми партийными группировками, которые пойдут с нами?

Должны ли мы, например, прежде чем начать фактически интервенцию, выдвинуть вперед правительство, созданное нами в Харбине и пользующееся нашей поддержкой?

Нет сомнения, что попытки действовать именно в этом направлении уже были. В Петрограде, например, мы были готовы поддержать любое движение против большевизма; далее, было уже решено поддержать всеми силами Сибирское правительство, если бы таковое образовалось в Омске или Томске. Такое правительство образовалось было, но

провалилось. В Пекине, в этих же целях, решено поддержать движение, начатое атаманом Семеновым против большевиков, и одно время даже возникла мысль создать при этом военном движении Семенова правительство, организующим центром которого явился бы Дальне-восточный комитет в Харбине. Кадры этого правительства предполагалось создать из чинов российских посольств в странах Дальнего Востока, людей, по существу реакционно настроенных, а также из членов бывших местных сибирских правительств: томского и благовещенского. В настоящее время в Харбин прибыли новые члены этих правительств. Не сегодня — завтра могут прибыть члены других местных правительств. Каждое из этих правительств претендует на исключительное право представлять население, каждое хочет, чтобы знали и признавали только его. Положение это чрезвычайно неприятно, тем более, что союзные правительства еще не стоворились по вопросу о том, какую линию поведения по отношению к ним занять.

Полагаю, что ни одно правительство, созданное в таких условиях, не может считаться жизненным.

Признав какое-нибудь одно из этих правительств, мы рисковали бы, с одной стороны, создать организм, не соответствующий потребностям и желаниям Сибири, а с другой — мы бы сразу приобрели в лице других не признанных нами правительств и их сторонников врагов с самых первых шагов наших в Сибири.

Я поэтому не являюсь сторонником немедленного признания какого бы то ни было сибирского правительства. Различные правительства, пред'являющие в настоящее время свои претензии на это звание, еще не созрели для политики согласованности и коалиции. Нужно дать им время прийти к сознанию этих положений. Сами мы должны так составить свою официальную (курсив автора) программу действий, чтобы она по форме оказа-

лась приемлемой для всех и не создала бы нам недругов. Кроме того, необходимо, чтобы наши операции стояли вне всякой зависимости от результатов тех или иных политических комбинаций.

Для успеха дела необходимо нам, союзникам, детально сговориться. Между нами должно быть полное единение, и не должно быть никаких недомолвок. Нужно совершенно точно определить, является ли наша политика политикой войны против большевиков, этих единственных виновников Брест-Литовского мира, аннулирования договоров, иностранных займов и долгов, или нет. Если да, то об этом нужно заявить громогласно, открыто, и нужно обратиться к русским партиям, осуждающим, как и мы, указанные действия большевиков.

Это необходимо: иначе, каким образом регулировать нашу политику в Сибири, если еще до настоящего времени имеются люди, склонные заигрывать с правительством Троцкого и верующие в возможную эволюцию его.

Итак, в случае наличия согласия между союзниками, мне представляется необходимым положить следующие пункты в основу официальной нашей декларации при вступлении в Сибирь. -

1. Изложить причины нашего выступления и указать, что оно направлено исключительно против большевиков.

2. Указать, что целью нашей интервенции является установление в Сибири законного и прочного правопорядка на политической основе автономного правительства, созданного сибирским парламентом, созыв которого будет осуществлен, как только к этому явится материальная возможность.

3. Указать, что, в целях единства действий, назначается единое верховное командование русскими войсками, организованными в Маньчжурии для борьбы против большевиков. Что это командование лишено полити-

ческих полномочий и находится под контролем союзного командования.

4. Предложить законным представителям Сибири, находящимися в Харбине, в частности, членам Учредительного собрания — сибирякам и представителям всех партий, принимающих нашу программу борьбы против большевизма, организовать временное коалиционное правительство, приемлемое для союзников и имеющее осуществлять свои полномочия впредь до созыва Сибирской Думы.

Мне представляется чрезвычайно нетрудным, при наличии некоторой политической ловкости и согласованности между союзниками, достичь единения русских партий и группировок, в настоящее время пожирающих одна другую.

Ведь сегодня без нас никто не может быть ничем в Сибири. Это аксиома, положение не требующее абсолютно никаких доказательств. Кроме того, раз мы вводим вооруженную силу, — ясно для каждого, что то или иное правительство может существовать лишь до тех пор, пока мы будем его признавать и оказывать ему поддержку (подчеркнуто нами). Если мы откажемся признать некоторые чрезвычайные требования отдельных партийных группировок, группировкам этим волей-неволей придется смириться. Я уже теперь могу сказать, что такая эволюция наблюдается.

Должен сказать, что такое разрешение вопроса не вполне меня удовлетворяет, но в настоящий момент я не вижу возможности иного решения.

Мы не можем самовольно создать какое бы то ни было правительство, не считаясь с существующими мандатами, мы не можем пренебречь депутатами, в свое время вполне законно избранными, мы не можем также пренебречь

влиятельными партийными группировками. С другой стороны, мы не можем признать правительство, созданное без официального согласования с нами, поэтому нужен компромиссный исход, и мы сами этот исход должны найти.

На нашей стороне — сила и деньги: это лучшие аргументы, при помощи которых можно всего достичь (подчеркнуто нами).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Расшифровка Парижа.

Отправлено 7 сентября 1918 г., 24 ч. 25 м.

Получено 9 сентября 1918 г., 22 ч. 30 м.

№ 478.

Г. комиссар. Владивосток.

Я только что передал представителю правительства, при котором вы аккредитованы в Париже, подробную ноту, предлагающую план выпуска денег в России и Сибири, построенного на принципе сохранения единства денежной системы во всех районах и областях России (я уполномочен на определение прочих принципов), кроме того не менять денежной системы в местных рублях, гарантирующей нас от потерь.

Проект следующий:

1) Образование в России местного банка с капиталом в срок миллионов (рубли местные), при чем выпущенный рубль должен идти по курсу довоенного рубля.

2) Капитал расписывается на каждого из великих интервентов в России (Соединенные Штаты, Англия, Франция, Япония).

3) Местонахождение капитала — в одной из великих держав, поле деятельности, совет управления Сибирь и Европейская Россия до полного воссоединения обеих русских областей.

4) Администрация должна состоять из уполномоченных четырех союзных держав в одинаковом числе, которые смогут всегда и доверительно присоединиться к русским советникам.

5) Таким образом, созданный банк уполномочивается державами-интервентами на выпуск билетов на территориях бывшей Российской Империи.

6) Привилегии банка будут отвечать закону, имеющему быть востигнутым будущим институтом представителей воссозданной России.

7) Часть билетов, выпускаемых в обращение, обеспечивается поступлением:

а) за счет капиталов союзных держав:

1) идущих на покрытие военных издержек и

2) одалживаемых каждой из союзных держав по соглашению с русским правительством (в принципе по равным частям);

б) обменных писем, засвидетельствованных двумя-тремя подписями, из которых не менее одной с русским именем, в виде билетов коммерческого характера.

8) Возмещение билетной эмиссии гарантируется державами-участниками в их национальной монете в одном паритете с устойчивыми билетами.

Благоволите сделать соответствующее представление правительству, при котором вы аккредитованы, и заверить его в тот момент, который вы найдете удобным, что французское правительство сочтет полезным, если главенство над местным банком останется за американским делегатом, но что будет еще лучше, если местопребывание банка будет в Париже, так как это в экономических и финансовых интересах частных французов, задержанных в России, материальное положение которых при этом подорвано революцией.

Пишон.

Приложение 2-е.

Британские богатства.

Г. Кайнес — г. Авецоль.

23-го сентября.

Я получил записку г. Сержен о финансовом обращении в России.

По возвращении я вам посылаю план, который я обдумал и который совершенно тождественен с нашим проектом эмис-

сионной системы. Мне сообщают, что французский и американский послы в Архангельске рекомендовали принятие этого проекта.

Главное преимущество, которое я нахожу, это то, что мы выйдем из всех возможных политических и дипломатических осложнений и поставим предел всем их проектам экономического выхода. В наших планах, чтобы все ценности постоянно поднимались в цене, чтобы русские власти в будущем могли быть признаны союзниками. Программа не дает никаких гарантий союзникам и никого ничем не обязывает, что очень важно. Думаю, что последний пароход на Архангельск уйдет через неделю, и затем уже не будет больше прямого сообщения с Архангельском до мая. Рассчитываем, конечно, сохранить связь с Архангельском через Мурманск санным путем, но этот способ ненадежный. Надеюсь, ваше правительство не встречает затруднений к тому, чтобы мы немедленно двинулись дальше вперед к более обширному плану действий, что не противоречит, по моему, плану г. Сержен, если захотят сделать что-нибудь в этом роде следующим летом. Ничто в моем проекте не противоречит более обширному плану. Единственное реальное расхождение между обоими проектами в том, что г. Сержен хочет установить курс нового рубля по паритету старого времени, тогда как я предлагаю установить его приблизительно в $\frac{1}{4}$.

Это, конечно, вопрос взглядов, но я упорно держусь своей точки зрения. Вследствие постоянного падения рубля и одновременного роста заработной платы и цен в России, будет очень трудно удержать новый рубль даже на 6 пенсах.

Полагаю, что на деле будет страшно трудно вложить рубль в два шиллинга, так как это поднимет все цены и заработную плату до уровня постоянного соотношения. Так можно было бы говорить с несведущими людьми.

Заметьте, что мы не рассчитываем выпускать (деньги) в Сибири.

Мы считаем, что изготовим известное количество новых рублей в конце сентября и сумеем их выпустить немедленно. Могу ли я узнать от вас, что вы не видите затруднений с общеполитической точки зрения.

Эмиссия бумажных денег союзников в Северной России. Английский проект и проект союзных банков в России.

К о п и я.

Лондон, 26-го сентября 1919 г.

Г о с п о д и н м и н и с т р !

В развитие моей сегодняшней телеграммы я препровождаю вашему превосходительству копию двух документов, представляющих собою английский проект эмиссии союзных рублей в Северо-Западной России. Этот проект содержит на первый взгляд две крупных ошибки: одна из них чисто английская, другая фиксирует цену рубля в $\frac{1}{2}$ шиллинга. Первая из этих ошибок может проект британский легко изменить и проект местный. Но объяснение такого серьезного дела не может быть сделано письменно, и я сильно желаю, чтобы г. Сержен мог приехать в Лондон объясниться с британским казначеем, американским и японским финансовыми делегатами.

Французский проект союзного банка в России был сообщен мною и г. Авеноль казначею. Он освещен в одном из документов, теперь захваченных, под именем проекта г. Сержен. Наш проект, с которым я не познакомил, но с которым я должен познакомить ваше превосходительство, является результатом известных наблюдений. Полученные данные характеризуют ситуацию русского денежного обращения на основании теоретического и практического (банкового) изучения вопроса.

Достаточное изучение русской финансовой ситуации не есть дело, которое союзники или какое-либо другое иностранное правительство могли бы произвести. Это внутренний вопрос, который зависит, главным образом, от порядка вещей, существующего в стране. Когда в России будет восстановлен порядок, когда все дела войдут в нормальное русло, только тогда возможно будет принять решение, и это решение не будет основано на вопросе о золотом возмещении, а исключительно на возобновлении банковских операций, таких активных в России до войны.

До тех пор, пока в России продолжают беспорядки, внедрение местных денег, если они будут приняты населением, будет мерой тождественной с эмиссией золотой или серебряной монеты — мерой, которую опыт показал возможной.

Так как для союзников невозможно изменить денежное обращение, более желательно идти им навстречу и удовлетворять их желаниям — Мурманск — Архангельск — Владивосток.

Какова бы ни была продолжительность деятельности союзных банков в России, данный институт эмиссии мне кажется критическим.

С одной стороны, банк прежде всего учреждение коммерческое, делящее прибыль с администраторами, тоже заинтересованными в этих прибылях. Это будет новый повод обвинить союзников во вмешательстве в дела России.

С другой стороны, функции, предоставляемые проектируемому банку — эмиссия бумажных рублей под гарантией обменных писем — прежде всего функция правительственного банка. Интервенты в России по отношению к банку, созданному ими, союзниками, воспользовались бы одним из суверенных прав России.

Одинаковое обвинение может быть против союзной эмиссии фальшивых бумажных рублей.

Я полагаю, что местные рубли должны быть отличны внешне от русских рублей, и тогда обвинение не будет иметь никаких оснований, если только наши билеты будут выпускаться в условиях определенных и заранее известных.

Остается опасение, что русский октябрьский суверенитет будет нарушен привилегиями банка, и эмиссия бумажных денег может показаться излишней во время такого правительства, как большевики. Но не об этом правительстве я думаю, а о правительстве, которое будет после них, и против которого нам придется защищать значительные французские интересы в России.

Мы находимся перед сомнительной дилеммой: или Россия не поднимется никогда и останется долго разделенной и дезорганизованной; тогда наши теперешние расчеты будут напрасны; или Россия снова восстановится, и правительство будет чувствительно к тем потерям, которое будет в результате наших привилегий. Эта перспектива учит нас осторожности в таком трудном положении, в каком мы находимся.

Подписано *Поль Камбон*.

Повод к интервенции.

(В декларации.)

1.

Письмо американского консула во Владивостоке правительственному комиссару Приморской области.

28-го декабря 1917 г.

Милостивый государь!

За последнее время в газетах появились известия, что я будто бы просил о присылке американских войск во Владивосток. Несмотря на то, что сведения не имеют ни малейшего основания, все же из справок, наводимых в этом консульстве, видно, что они возбуждают беспокойство в некоторых классах населения.

Поэтому я сим официально заявляю, что я не просил о присылке американских войск во Владивосток и от души надеюсь, что положение здесь останется таковым, что не вызовет нужды в присутствии каких-либо иностранных войск.

Прося вас предпринять должные шаги к оповещению об этом местного населения, остаюсь с выражением вам своего совершенного почтения.

Американский консул.

2.

Nota японского генерального консула во Владивостоке Владивостокскому городскому самоуправлению.

12-го января 1918 г.

Императорское японское правительство, имея в виду то, что при обстоятельствах настоящего времени японцы, проживающие в г. Владивостоке и окрестностях его, чрезвычайно тре-

вожатся, решило отправить военные суда во Владивостокский порт. Решение это сделано ни с чем иным, как исключительно с целью защиты своих подданных, каковая является надлежащей обязанностью правительства. Японская империя, как искренне-дружественная страна России, горячо желает совершения здорового развития последней, при чем надеется, что справедливые интересы Японии и других союзных стран с полнотой будут уважаться в пределах России. Вместе с тем императорское правительство нисколько не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России, которое будет решено русским народом для своей страны; тем более цель нынешней отправки военных судов вовсе не имеет никакого отношения к этому вопросу.

Японский генеральный консул *Кикучи*.

3.

Сообщение японского генерального консула во Владивостоке председателю Приморской областной земской управы.

4-го апреля 1918 года, № 73.

По поводу убийства в экспортной и импортной конторе Исидо, вице-консулом г. Ямагучи, по моему поручению, словесно сообщено Земской Управе, что 4-го апреля в течение от 10 до 20 минут 11-го часа дня, 4 русских зашло в упомянутую контору и с револьверами напали на хозяина конторы, японца Гийчи Исидо и двух служащих, японцев, из которых один убит наповал, второй ранен и находится при смерти и третий тяжело ранен.

Я, обращая ваше внимание на непрерывные преступные случаи, угрожающие жизни и имуществам японских подданных, уже давно просил вас принять действительные меры к предотвращению подобных случаев, но, к большому сожалению, до сих пор от вас не последовало никакого ответа по существу моего требования, и до моего сведения не дошло, что вами приняты какие-нибудь решительные меры к ограждению жизни и имущества японских подданных. В такой обстановке дел нам нельзя было предвидеть несчастного случая, имевшего

место 4-го апреля. Этот случай должен считаться не иначе, как вызов, направленный к властям, отвечающим за поддержание благоустройства и обнаружения расстройств порядка.

Ввиду вышеизложенного, имею честь уведомить вас, милостивый государь, что я, вышедший уже из терпения в отношении безопасности жизни и имуществ японских подданных, считал долгом по своей обязанности обратиться к командующему японской эскадрой с просьбой, чтобы он принял экстренные меры, которые он сочтет необходимыми для ограждения жизни и имуществ японских подданных.

Японский генеральный консул *Киккучи*.

4.

Объявление командующего японской эскадрой во Владивостоке, расклеенное в городе для всеобщего сведения.

Граждане!

Я, командующий японской эскадрой, питаю глубокое сочувствие настоящему положению России и желаю немедленного искоренения междоусобиц и блестящего осуществления революции. Поэтому, до настоящего времени, абсолютно избегал совершать такие действия, как вмешательство во внутреннюю политику России или оказание той или иной политической партии поддержки или давления, так как подобные действия напрасно препятствуют осуществлению революции и лишают возможности вынести соответствующее заключение, основывающееся на разуме народа.

Однако, глубоко встревожась, что в настоящее время здешние политические споры становятся все более и более остры и, в конце концов, не будет возможным избежать возникновения беспорядков, и, увидя, что вследствие того, что в надлежащих органах, на которые возложено поддержание безопасности в городе, не наблюдается порядка и город попал в такое положение, что у него как бы нет полиции, я не мог не беспокоиться о жизни и имуществе проживающих в городе подданных Японской Империи и держав согласия.

К сожалению и неожиданности, ныне в городе произошли среди бела дня убийство и ранение трех японцев, что заставило меня принять на свою ответственность защиту жизни и

имущества подданных Японской Империи и, следовательно, я принужден высадить десант с вверенной мне эскадры и принять меры, какие считаю соответствующими, а о дальнейшем направлении испрошена у императорского японского правительства инструкция.

Однако, так как принятые мною меры заключаются в защите японских подданных, то еще раз заявляю, что горячо питаю глубокую дружбу и сочувствие русским властям и русскому народу и у меня нет иной мысли и желаю, чтобы русский народ ни о чем не беспокоился и, как обыкновенно, занимался своими делами.

Командующий японскою эскадрою
контр-адмирал *Хирохару Като*.

5-го апреля с. г. Тайсио (1918 г.).

5.

Прокламация представителей союзного командования во Владивостоке.

6-го июля 1918 г.

Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военно-пленных, шпионов и эмиссаров, настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав, и будут приняты все необходимые меры для защиты как от внешней, так и внутренней опасности. Все приказы, изданные до сего времени чехо-словацким командованием, продолжают в силе.

Власть Земства и Городского Самоуправления признается в пределах местных дел, но военные силы и полиция будут усилены таким количеством союзных сил, какое будет найдено необходимым для предотвращения опасности со стороны австро-германских агентов и их влияния, которые, по имеющимся сведениям, работают в городе.

Настоящий акт делается в духе дружбы и симпатии к русскому народу, а не какой-либо политической фракции или партии и в надежде, что период спокойствия, имеющий быть в результате, даст возможность вновь объединиться всем фракциям

в их совместной работе, согласованными и патриотическими усилиями восстановить твердое и долговременное правительство и сбросить иго тиранической диктатуры австро-германских держав, спешащих навязать это иго русскому народу на долгое время.

Все сознательные граждане должны объединиться для совместной работы по поддержанию порядка и законности.

А. М. Найт, адмирал флота Соединенных Штатов, главнокомандующий Азиатским флотом Соединенных Штатов.

Хирохару Като, вице-адмирал японского флота, командир специального дивизиона Императорского японского флота,

Пэйн, капитан королевского флота, старший британский морской офицер.

Парис, полковник французской армии, начальник французской военной миссии при чехо-словацкой армии.

Х. Лю, капитан китайского флота, командир крейсера «Хай-Юн».

Бадюра, капитан чехо-словацкой армии, комендант города.

Владивосток, Сибирь. 6 июля 1918 года.

6.

Декларация японского правительства.

2-го августа 1918 г.

Японское правительство, движимое чувством искренней дружбы к русскому народу, всегда питало самые горячие надежды на быстрое восстановление порядка в России и на здоровое и беспрепятственное развитие ее национальной жизни. В настоящее время, однако, слишком много доказательств того, что центральные европейские державы, используя хаотическое и незащищенное положение, в котором оказалась в последнее время Россия, закрепляют свою власть под этой страной и постепенно распространяют свою деятельность на Дальне-Восточном владении России. Они настойчиво вмешиваются в прохождение чехо-словацких войск через Россию. В состав сил, оказывающих теперь противодействие этим доблестным войскам, беспрепятственно входят германские и австро-венгерские пленные, которые фактически занимают даже командующее положение.

Чехо-словацкие войска, воодушевленные стремлением к свободному и независимому существованию своей нации, лояльно отдавшие себя на служение общему делу союзников, справедливо завоевали общую симпатию и уважение своих соратников, для которых их судьба есть дело глубокого и жизненного значения. Перед лицом угрожающей опасности, которой действительно подвергались чехо-словацкие войска в Сибири, оказавшейся в руках германцев и австро-венгерцев, союзники, естественно, нашли для себя невозможным оставаться в положении равнодушных зрителей течения событий, и некоторое число их войск уже получило приказ отправиться во Владивосток.

Правительство Соединенных Штатов, которое столь же чутко отнеслось к тягости положения, недавно обратилось к японскому правительству с предложением скорейшей посылки войск, дабы облегчить давление, оказываемое на чехо-словацкие силы.

Японское правительство, стремясь к согласованию своих действий с желаниями американского правительства, а также к согласованию совместно с союзниками в этой экспедиции, решило приступить незамедлительно к выделению соответствующих сил для предположенной цели. Некоторое количество этих войск вслед за сим посылается во Владивосток.

Принимая это решение, японское правительство остается непоколебимым в своем постоянном желани поддерживать и развивать прочные дружественные отношения с Россией и русским народом и оно вновь подтверждает свою неизменную политику уважения территориальной целостности России и воздержания от всякого вмешательства в ее внутреннюю политику. Оно, далее, заявляет, что по осуществлении вышеуказанных целей, оно непосредственно за сим отзовет все японские войска с российской территории и оставит всецело неприкосновенным суверенитет России во всех его проявлениях как в политическом, так и в военном.

7.

Декларация Соединенных Штатов Америки,
опубликованная во Владивостоке.

7-го августа 1918 г.

Нижеследующее является официальным сообщением прессе по вопросу об американо-японских действиях в Сибири:

По решению правительства Соединенных Штатов, решению, к которому оно пришло после повторных и очень осмотрительных обсуждений всего положения, возможно, что военная интервенция в России больше всего может повести к усугублению настоящих печальных расстройств в стране, чем излечить ее, и скорее повредит России, чем поможет ей в ее бедствии. Такая военная интервенция, как она предполагалась так часто, даже допуская, что она окажется действительной в своей непосредственной цели — атаковать Германию с востока, может, по его мнению, легко оказаться только способом использования России, что будет затем методом служить ей. Ее народ, если это ему вообще принесет пользу, не может получить эту пользу во время, для освобождения его от бедственных затруднений, и его запасы будут в это время использованы для содержания иностранных армий, а не для восстановления его собственной, или питания ее собственного народа, женщин и детей. Мы направляем теперь всю нашу энергию для решительной и уверенной цели — победы на западном фронте и, по мнению правительства Соединенных Штатов, будет крайне неблагоприятно разделять или рассеивать наши силы. Как правительство Соединенных Штатов смотрит на настоящие обязательства? Военные действия в России допустимы в настоящее время только, чтобы оказать возможное покровительство и помощь чехо-словакам против нападающих на них вооруженных австрийских пленных, а также поддержать все попытки самоуправления или самозащиты, в которых сами русские могли бы, пожелав, принять помощь. Безразлично из Владивостока или Мурмана и Архангельска, единственная цель, для которой американские войска будут употреблены, заключается в охране военных припасов, которые впоследствии понадобятся русским войскам, и в подаче такой помощи, которая может быть приемлема для самих русских, и в организации их собственной самозащиты. С такими целями правительство Соединенных Штатов в настоящее время действует совместно с правительствами Франции и Великобритании в районе Мурмана и Архангельска. Соединенные Штаты и Япония являются единственными державами, которые сейчас в состоянии действовать в Сибири с достаточными силами для выполнения даже таких скромных целей, как вышестемеченные. Правительство Соединенных Штатов поэтому предложило правительству Японии, чтобы каждое из этих двух правительств послало бы отряд в несколько ты-

сяч человек во Владивосток и для охраны, насколько это возможно, страны в тылу от надвигающихся в западном направлении чехо-словаков, и японское правительство согласилось на это.

Предпринимая такие действия, правительство Соединенных Штатов желает оповестить русский народ в самой широкой и торжественной форме, что оно не намеревается вмешиваться в политические или державные права России, или вмешиваться в ее внутренние дела и даже в местные дела, на той ограниченной площади, которую ее военные силы могут быть вынуждены занять, равно как грозить неприкосновенности русеской территории впоследствии, и все, что мы намереваемся сделать, имеет свою единственную цель — оказать такую помощь, какая может быть приемлема самим русским народом в его старании для восстановления контроля над своими собственными делами, своей собственной территорией и своей собственной судьбой. Предполагается, что японское правительство тоже дает подобное заверение. Такие планы и намерения американским правительством сообщены правительствам Великобритании, Франции и Италии, и эти правительства сообщили государственному департаменту, что они в принципе соглашаются на них. Не следует, однако, выводить заключения, что решение, к которому пришли Соединенные Штаты в этом важном деле, имеет в виду ограничить действия или вмешиваться в независимые решения правительства, с которыми оно сотрудничает в войне. Американское правительство надеется и намеревается использовать первую возможность для посылки в Сибирь комиссии, состоящей из коммерсантов, экспертов по земледелию, советчиков по рабочему вопросу, представителей Красного Креста и агентов христианского союза молодых людей, хорошо знакомых с организацией лучших способов распространения полезных сведений и для дачи просветительной помощи скромного рода, чтобы каким-либо систематическим путем подать помощь в насущных экономических надобностях народа там, всеми путями, возможность которых представится. Выполнение этого плана не должно будет затруднить военную помощь, оказываемую чехо-словакам. Правительство Соединенных Штатов надеется и ожидает, что правительства, с которыми оно сотрудничает, будут оказывать, где это будет возможно и необходимо, свою активную помощь в выполнении этих, военного и экономического, планов.

Исполняющий должность морского министра *Польк*.

5-е августа 1918 г.

Обращение британского правительства к народам России.

Август 1918 года.

Ваши союзники не забыли вас: мы помним о тех услугах, которые были оказаны вашими геройскими армиями в первые годы войны, и мы приходим, как друзья, к вам на помощь, чтобы спасти вас от раздробления и разрушения от рук Германии, стремящейся поработить ваш народ и использовать огромные богатства вашей страны для своих собственных целей. Однако мы торжественно объявляем, что, приходя на помощь России в ее борьбе с Германией, мы не удержим ни одной пяди русской территории. Мы сожалеем о разделяющей вас гражданской войне и о внутренних ваших несогласиях, облегчающих осуществление германских завоевательных планов, но мы не имеем намерений навязывать России какой-либо политический строй. Судьбы России находятся в руках самого русского народа. Только сам русский народ может выбрать себе формы государственного строя и найти разрешение своих социальных проблем. Народы России, самое существование ваше, как независимой нации, находится в опасности. Завоеванным вашей революцией свободам угрожает железная рука Германии. Объединяйтесь вокруг поднятого нами, остающимися попрежнему вашими союзниками, знамени свободы и независимости, чтобы обеспечить победу этих двух великих лозунгов, без которых не может быть прочной и действительной свободы для мира. Народы России! Мы хотим не только удержать германское наступление, но также принести экономическое облегчение вашей разрушенной и страдающей стране. Мы уже отправили вам некоторое снабжение и в будущем будем делать то же самое. Мы стремимся, помочь развитию вашей промышленности и естественных богатств вашей страны, но отнюдь не с целью эксплуатации их в наших интересах; мы хотим возобновить товарообмен с вашей страной, способствовать развитию вашего земледелия и предоставить вам возможность занять принадлежащее вам по праву место среди свободных наций мира. Народы России! Объединяйтесь с нами для защиты ваших свобод. Нашим единственным желанием является видеть Россию силь-

пой и свободной, а затем отстраниться и предоставить русскому народу выковать свою судьбу в согласии с свободой, выраженной волей народа.

Бальфур.

9.

Декларация высокого комиссара французского правительства в Сибири.

Тесная дружба, столь давно соединяющая Францию и Россию, живет еще в сердцах обеих наций. Франции известен героизм русских солдат, обильно оросивших своей кровью поля битв, и она, помня их боевые заслуги в первые годы войны, глубоко верит в возрождение и боевое будущее русской армии.

Франция, как и союзники ее, не могла не ответить на призыв здоровых элементов русского народа, оставшихся верными союзным обязательствам и стремящихся положить конец большевистской дезорганизации, вызвавшей расчленение и разорение преданной немцами России.

Непосредственной причиной нашего выступления явилась необходимость оказать помощь нашим союзникам чехо-словакам, чьи армии находятся под предводительством французского генерала. При следовании через Россию, их единственной целью было отправиться сражаться с немцами на западном фронте, никоим образом не вмешиваясь во внутреннюю политику страны. Преданные большевиками, нарушившими соглашения, атакованные вооруженными германо-австрийскими пленными, они погибли бы наверное, если бы, сопротивляясь, они не проявили столько доблести и несокрушимой энергии.

Второй целью союзников является столь необходимая России экономическая помощь, помощь, особенная срочность которой вызывается мучениями и лишениями населения и которая будет оказана совершенно бескорыстно.

Наше выступление будет направлено всегда и исключительно в интересах России. Мы гарантируем самым категорическим и совершенным образом уважение к независимости, к свободе и суверенитету русского народа и территориальной неприкосновенности его. Исходя из этого, при восстановлении порядка, мы, решительно отбросив мысль навязать правительство определенной партии или группы, будем лишь стремиться к тому, чтобы способствовать соглашению между различными

политическими группировками, дабы дать русскому народу возможность свободно и правильно выразить свою волю. Эти чувства являются общими для всех союзников; представитель Франции счастлив, в свою очередь, их выразить, подчеркнув лишний раз верность Французской Республики своей Русской Союзнице и абсолютное бескорыстие ее вмешательства.

М. Реньо.

19 сентября 1918 г.

Владивосток.

10.

Декларация итальянского правительства по поводу выступления в Сибири.

Центральные державы, в явное нарушение формальных обязательств, выждав момент, когда чехо-словаки находились на пути обратного следования из России, подвергли их предательскому нападению со стороны вооруженных австро-венгерских и германских военнопленных, которые, в свою очередь, увлекли за собой банды из возбужденных ими же местных жителей.

Изолированные и безоружные, чехо-словаки были вынуждены к героической, отчаянной защите, продолжающейся несколько месяцев. Не будь их стойкого сопротивления, не будь помощи союзников, им пришлось бы или погибнуть, или подчиниться все возрастающему в России германскому и австро-венгерскому влиянию.

Италия, которая уже с давних пор сочувствует и содействует стремлениям чехо-словацких народностей, признавая их право на самостоятельное национальное бытие; Италия, которая на берегах Пиавы была свидетельницей удивительной храбрости их войск, сражавшихся бок-о-бок с итальянской армией, не могла не поспешить на помощь и защиту чехо-словаков в России.

Повинуясь, таким образом, голосу справедливости и гуманности, Италия послала в Сибирь отряд в 2 батальона своих войск, готовых выступить на защиту чехо-словаков ныне же, совместно с союзниками.

Будучи искренним и бескорыстным другом России, она с тревогой следит за болезненными и трудными фазисами ее настоящей политической жизни и как она еще недавно радова-

лась победам ее героев-солдат, так теперь обращает свои взоры с доверием к тем здоровым элементам русского народа, у которых сохранилось сознание своих обязательств перед союзниками и истинных интересов страны.

По поводу своего настоящего выступления итальянское правительство желает заявить в самой торжественной форме о своем твердом решении отнюдь не вмешиваться во внутренние дела России, безусловно уважать ее суверенитет и территориальную неприкосновенность, так и впредь.

Оно заверяет самым категорическим образом, что в своих действиях оно будет руководствоваться единственно желанием помогать, — в той мере, какая окажется наиболее отвечающей воле русского народа, — стремлениям последнего, к возврату нации возможности свободы и разумно посвящать все свои силы выполнению своего великого назначения, в которое Италия твердо верит.

Министр иностранных дел *Соннино*,

3-го декабря 1918 г.

Рим.

11.

Декларация китайского правительства.

30 августа 1918 года.

Отношения между Китаем и Россией основаны на сердечной дружбе, и территории двух государств соприкасаются на значительном расстоянии. В последнее время центральные европейские державы, пользуясь политическим хаосом и затруднительными условиями, в которых находится вся Россия, вторглись на русскую территорию и распространяют свое тираническое господство все дальше и дальше на Востоке. Большое число германских и австро-венгерских пленных, вооружившись, благодаря своему изо-дня в день возрастающему влиянию, настойчиво препятствуют продвижению на Восток чехо-словацких войск, которые стремятся принять участие в деле, общем для всех союзных держав и судьба которых не может быть безразличной для союзников.

Китайское правительство не может относиться индифферентно к русскому народу, с которым Китай связан сердечными добрососедскими чувствами, также не может относиться безраз-

лично к судьбе доблестных чехо-словацких войск, которые томятся тем, что их стремление к освобождению задерживается. По этим соображениям китайское правительство с радостью последовало примеру правительства Соединенных Штатов Северной Америки и послало свои войска в Россию для соединения с союзниками и для совместных действий.

Уважая территориальную неприкосновенность и суверенитет России, китайское правительство не намерено вмешиваться во внутренние политические дела. Когда намеченные цели будут осуществлены, все китайские войска будут немедленно уведены с территории России.

Приложение 5-е.

От интервенции к оккупации.

1.

Ответная нота дипломатического представителя Чехо-Словацкой Республики в Сибири временному правительству—Приморской Земской Управе.

10 марта 1920 г.

Первоначальные препятствия, которые чинились эвакуации наших войск со стороны советской власти в районе на запад от Иркутска, устранены были взаимным договором между чехо-словацкими и советскими войсками, и с этого момента эвакуация наших войск не встречает никаких затруднений со стороны советской власти.

На Забайкальской железной дороге охрана железнодорожной линии поручена была японским войскам, и за все время не было никакого разрушения железнодорожного пути, несмотря на издаваемые приказы о разрушении мостов и тоннелей с целью препятствия нашей эвакуации атаманом Семеновым, в сфере влияния которого этот участок находится. Что же касается Дальнего Востока, я с чувством глубокой благодарности и искренней дружбы считаю своим долгом засвидетель-

ствовать, что со стороны временного правительства и всех его органов эвакуация наших войск не только не встречала никаких препятствий, а, напротив, ей оказывалось всегда всевозможное содействие, за что и считаю долгом принести временному правительству и всем его органам искреннюю благодарность.

Доктор *Гирса*.

2.

Нота американского правительства японскому правительству.

10-го января 1920 года.

Правительство Соединенных Штатов с самым тщательным вниманием отнеслось к сущности сообщения японского правительства, которое было прочтено министру иностранных дел японским послом.

Но правительство Соединенных Штатов признает, что посылка подкреплений достаточной силы для совместного выступления с антибольшевистскими войсками — не соответствует своему назначению. А продолжать принимать участие в охране областей, находящихся под союзной военной охраной, также при настоящих условиях невозможно, по той причине, что соглашение о посылке подкреплений в таком размере, который может потребоваться для поддержания теперешнего положения, могло бы поставить правительство Соединенных Штатов перед обстоятельствами столь неопределенного характера, что это явилось бы неблагоприятным...

Количество подкреплений, необходимых для выполнения такого соглашения, могло бы оказаться настолько велико, что правительство Соединенных Штатов не считало бы себя вправе выполнять его.

Поэтому было подвергнуто обсуждению предложение о полном или частичном отзыве войск.

Следует помнить, что первоначальные цели экспедиции, как они были понимаемы Соединенными Штатами в дополнительном меморандуме, врученном японскому послу в Вашингтоне 17-го июля 1918 года, были следующие:

1) помочь чехо-словацким войскам, которые во время отхода вдоль Сибирской магистрали, были атакованы большевиками и враждебными военно-пленными в Сибири, сгруппировать свои войска и выполнить эвакуацию через Владивосток;

2) укреплять всякие стремления к самоуправлению, в защите которых сами русские пожелали принять общесоюзническую помощь.

В настоящее время не только чехо-словацкие войска удачно подвигаются на восток, но также достигнуто соглашение между правительствами Англии и Соединенных Штатов относительно их эвакуации из Владивостока.

Таким образом, первую цель, для которой американские войска были посланы в Сибирь, можно считать достигнутой. Что же касается второй цели, то на правительство Соединенных Штатов произвели сильное впечатление политическая неустойчивость и серьезная неопределенность нынешнего положения в Восточной Сибири, описанные в дополнительном меморандуме, представленном японским послом 8-го декабря 1919 года, и оно склонно думать, что дальнейшая военная помощь русским в борьбе за самоуправление в их теперешнем положении может создать еще большие осложнения и дать результаты, совершенно противоположные и препятствующие желаемому оздоровлению, вовлеки Японию и Соединенные Штаты на бесцельные жертвы.

Таким образом, осуществлению второй цели, для которой американские войска были посланы в Сибирь, вряд ли дальнейшее пребывание их в Сибири могло бы подействовать.

Ввиду этого, правительство Соединенных Штатов решило немедленно же отдать распоряжение о сконцентрировании американских войск во Владивостоке, с целью тотчас же после отправления первой значительной части чехо-словацких войск, приблизительно 10-го февраля 1920 года, их эвакуировать.

Правительством Соединенных Штатов также тщательно обсуждалась возможность продления, после ухода американских войск, помощи американских железнодорожных экспертов в деле операции Сибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги.

Следует помнить, что согласно плану наблюдения за этими железными дорогами, предложенному японским послом в Вашингтоне 15-го января 1919 года, соглашение должно прекратиться при уходе иностранных военных сил из Сибири. Все

иностранные железнодорожные эксперты, назначенные на основании этого соглашения, должны быть также отозваны.

Опыт последних месяцев в деле операций железных дорог, при непрочности гражданской власти и частых вмешательствах со стороны местных военных властей — послужили веской причиной необходимости придерживаться условий означенного договора.

На основании этого будет сделано распоряжение и об отзывании американских железнодорожных экспертов одновременно с уходом американских войск.

Правительство Соединенных Штатов желает поставить японское правительство в известность, что оно сожалеет о необходимости принять это решение, ибо это решение, вероятно, определяет конец, по крайней мере, в настоящее время, совместным усилиям Японии и Соединенных Штатов помочь русскому народу, каковые усилия еще совсем недавно начали давать значительные результаты и, казалось, обещали их в будущем.

3.

- Сообщение японского правительства.

(Присланное для опубликования японским Осведомительным Бюро.)

30-го марта 1920 г.

Дипломатический совет одобрил принятое кабинетом решение по вопросу о сибирской политике. Последняя, как еще раньше указывалось, сводится к следующему:

После эвакуации чешских войск японские силы сократят зону охраны и займут более сосредоточенное расположение с тем, чтобы охранять порядок в Сибири и следить за деятельностью большевиков.

Когда условия в Сибири сделаются более благоприятными в смысле мира и порядка, японские войска будут постепенно эвакуироваться.

При настоящих неопределенных обстоятельствах признается необходимым, в интересах самоохранения, чтобы японские вой-

ска временно оставались в Сибири, даже после эвакуации чехов. Официальное объявление относительно этой политики состоится около 1-го апреля.

4.

Сообщение японского правительства.

31-го марта 1920 г.

Предпринимая военную экспедицию в Сибири, императорское правительство имело в виду оказание помощи чехо-словацкой армии. Поэтому, окончательная эвакуация чехо-словацких войск логически поведет к последовательному выводу императорской армии из Сибири. Это ясно вытекает из декларации императорского правительства о целях экспедиции, опубликованной в начале таковой. Но, благодаря своему различному от других держав географическому положению по отношению к Сибири, Япония не может не занять особой позиции в вопросах, касающихся этой страны. В частности, следует иметь в виду, что политическое положение в Сибири непосредственно влияет на Маньчжурию и Корею. Засим надлежит указать, что существующие сейчас в Сибири условия таковы, что они лишают большое число проживающих там подданных нашей империи возможности заниматься мирным трудом, не будучи уверены в безопасности их жизни и имущества.

Ввиду этих обстоятельств, императорское правительство не признает возможности отозвать в настоящее время свои экспедиционные силы. Но, преследуя намеченный им курс в Сибири, императорское правительство не питает никаких политических замыслов.

Пользуясь настоящим случаем, императорское правительство заявляет, что коль скоро в соседних с Японией странах установится прочное, спокойное положение, и угроза для Маньчжурии и Кореи исчезнет; когда жизнь и имущество японских подданных в Сибири будет в безопасности, и свобода передвижения и сообщения обеспечены, тогда, при первой же возможности после эвакуации чехо-словацких войск, императорское правительство выведет свои вооруженные силы из всех частей Сибири.

5.

Декларация японского правительства При-
морской Областной Земской Управе.

31-го марта 1920 года.

Отправка наших имперских войск в Сибирь имела целью вырчку чехо-словацких войск, поэтому, когда окончится эвакуация последних, наши войска должны быть эвакуированы, о чем в свое время ясно было сказано в декларации. Но ни одна держава в географическом отношении так тесно не связана с Сибирью, как наша империя. Ввиду этого, создавшаяся политическая обстановка на Дальнем Востоке, не только непосредственно угрожающая жизни и имущественному благополучию наших отдельных граждан, проживающих в Сибири, но вообще миру в Корее и Маньчжурии, к сожалению, ни в коем случае не позволяет нам немедленно вывести свои войска из края. Поэтому японское правительство утверждает, что пребывание его войск на Дальнем Востоке не имеет никакого политического замысла по отношению к России, и искренне заявляет, что когда политическая обстановка в крае настолько урегулируется, что нечего будет опасаться за мир и спокойствие в Корее и Маньчжурии, жизнь и имущество наших подданных будут вполне обеспечены, а также будет восстановлена достаточная провозоспособность путей сообщения, то после окончания эвакуации чехо-словацких воинских частей, наши войска возможно скорее будут эвакуированы из Сибири.

31-го марта 1920 г.

6.

Об'явление командующего японскими вой-
сками в Сибири.

5-го апреля 1920 г.

Граждане!

На основании декларации, об'явленной японским правительством 31-го марта сего года, японское командование со второго апреля вело переговоры с представителями русских властей для мирного решения вопроса о пребывании японских войск в крае. Внезапно, в ночь с 4-го на 5-е апреля, русские воору-

женные группы напали на наши склады, гараж и этапное управление, также открыли огонь по патрулям в разных местах. Ввиду подобных незаконных действий и для предотвращения грозившей опасности со стороны вооруженных русских частей, японское командование вынуждено требовать разоружения последних. В данном случае японское командование, не преследуя какой-либо личной цели, не может допустить дальнейшего развития беспорядков, для чего и примет меры после переговоров с русскими властями.

5-го апреля 1920 г.

Владивосток.

Командующий японскими войсками в Сибири,
генерал *Оой*.

7.

Выписки из доклада комиссии по выяснению обстоятельств событий 4—5-го апреля 1920 года в г. Владивостоке.

Развернувшиеся в Приморской области и, в частности, во Владивостоке, события 4—5-го апреля не явились неожиданностью ни для русского населения, ни для временного краевого правительства.

«Признаки готовящегося выступления со стороны японцев были, — говорит председатель А. С. Медведев, — и тревожные сведения об этом выступлении поступали ко мне: Японцы вели себя последнее время вызывающе. Были сведения о занятии японцами разных стратегических пунктов, были известия о постановке ими пулеметов в разных частных зданиях города».

Бывший командующий сухопутными и морскими силами на русском Дальнем Востоке, А. А. Краковецкий, сообщил, что «на основании имевшихся в его распоряжении данных он был убежден, что выступление японских войск против русских неизбежно».

«Сосредоточение японских войск в Приморской области, — показывает бывший начальник штаба войск командующего войсками, В. Н. Доманевский, — усиление японских войск, — все это создавало нервную атмосферу и вызывало опасение, что японцы к чему-то готовятся, а в последние дни сведения о по-

«стаповке пулеметов в частных домах — наводили на мысль, что выступление возможно».

Комендант крепости Владивосток, Травников, о возможности выступления со стороны японцев неоднократно указывал командующему войсками.

Командующий сибирской флотилией, Черниловский-Сокол, в своих показаниях комиссии указывает: «3-го апреля, в 22 часа, без всякой причины был удален японцами русский состав с радио-станции на Русском Острове. 4-го апреля японцы вечером разрешили доступ на радио-станцию, но вскоре снова удалили русских. 31-го марта было сообщено из урочища Славянки, что японцы роют окопы. 12-го марта требовали сдачи оружия и производили аресты в Посъете. В феврале и марте приходили японские транспорты с войсками и снаряжением. При выгрузке 12-го февраля место выгрузки оцеплялось японскими войсками. В апреле продолжается присылка войск и военного снаряжения. Все время разрасталась японская телефонная сеть. 2-го апреля японский капитан 2-го ранга, Найто, допытывался о состоянии миноносцев. Японцы отказывали в выдаче оружия из русских складов».

Начальник оперативного отделения Тыртов приводит ряд данных: «Командующий флотилией и его штаб получили указания на подготовку японцами активного выступления в области и, в частности, во Владивостоке. Такими указаниями, например, служили: занятие японскими военными властями радио-станции морского ведомства на Русском Острове 3-го апреля и недопущение туда русских телеграфистов. Устройство маневров приравливалось к выполнению задачи окружения Владивостока и отрезания путей, ведущих в район сопок. Создание японскими военными властями во Владивостоке и его районе сборных пунктов для гражданского японского населения на случай тревоги. Подвоз японских войск в Посъет, Славянку. В конце марта были сведения о погрузке в Цуруге на пароходы весьма большого количества военного снаряжения и выходе пароходов в известном направлении. 2-го апреля начальник штаба сибирской флотилии был посещен капитаном 2-го ранга японской морской службы, Найто. Разговор, который у них был, привел начальника штаба к заключению о готовящихся японцами агрессивных действиях, о чем начальник штаба указал в рапорте на имя командующего флотилией. 2-го апреля были све-

дения о занятии японцами Тигровой батареи и укрепления казарм. 3-го апреля было замечено, что в корпус № 3 сибирского флотского экипажа, где помещается японский Красный Крест, была прислана японская пехотная часть, около 2-х рот. В это же помещение были доставлены в большом количестве какие-то ящики, похожие на ящики с боевыми припасами. Пришедшая часть вокруг здания выставила усиленные караулы. Недоверие японских властей к установившемуся во Владивостоке режиму, после устранения генерала Розанова, между прочим, явно выражалось в захвате ими наших складов боевых припасов и оружия, принадлежащих крепостному артиллерийскому управлению, недопущении нас пользоваться ими для наших целей. Так, например, когда понадобились 1.000 ручных гранат и 1.500 винтовок для снабжения комендантской роты и других частей флота, и от начальника военного снабжения было дано распоряжение на приемку этого имущества, то принять его не удалось, так как японцы, державшие охрану складов, туда наших людей не пустили. 4-го апреля днем получено известие, что в 12 часов занят японцами вокзал станции Вторая Речка.

Заведывающий политическим отделом военного совета, Цейтлин, говорит: «Все указывало на то, что японцы готовят выступление, провоцируют наши части и отдельных солдат».

Ведя все к своей определенной цели — разоружения русских войск, японское командование принимало меры к тому, чтобы это разоружение прошло как можно успешнее, с наименьшими жертвами и потерями со стороны японцев. Чтобы отвлечь внимание русского командования от японских чисто-военных мероприятий, японцы 1-го апреля предъявили правительству известные требования в шести пунктах, связав их чисто внешним образом с декларацией японского правительства 31-го марта. Эти требования, как известно, подверглись рассмотрению в русско-японской смешанной комиссии, которая в результате напряженной работы, после двух дней продолжительных заседаний, пришла к полному соглашению ценой почти всецелого принятия русской стороной всех «6-ти условий». Но эта уступчивость русской стороны не дала желанных результатов: как известно, второе заседание комиссии окончилось в 5 часов вечера 4-го числа, когда все приготовления к японскому выступлению были уже сделаны, и когда кое-какие шаги к проведению его в рай-

опе крепости уже начали осуществляться. Это был лишь прием усыпить бдительность русских, дать впечатление, что все улажено (в самом деле: ведь оставалось только подписать «условия»), что опасность миновала. И японцы достигли своей цели: «появилась уверенность, — как говорит уполномоченный при командующем сибирской флотилией Яковлев, — что мирная политика должна привести к мирному разрешению конфликта».

Таким образом, из обзора обстоятельств, предшествовавших событиями 4—5-го апреля, вытекает необходимое заключение, что японское командование, в полном согласии с центральным японским правительством, заблаговременно и систематически подготавливало выступление.

Насколько позволяют судить те материалы комиссии, такая определенная линия поведения была принята японским правительством около начала второй половины февраля месяца. С этого, приблизительно, момента военное японское командование, судя по его деятельности, получает определенные задания в отношении приготовления выступления японских войск в Приморье и, в частности, во Владивостоке. К этому времени относится эвакуация японских войск из Амурской области, их концентрация в Приморье и, особенно, в районе Хабаровска, и к этому времени относится начало усиленной перевозки японских войск из Японии в Приморье. Перевозка эта совершалась и открыто, главным образом, через Владивосток, и также скрыто, на южное побережье края. С этого же времени начинается систематический захват японскими войсками важнейших пунктов Владивостокского крепостного района, изучение и исследование крепости Владивосток, ее фортов, складов, сообщений и средств. С начала февраля участились сведения об упорном укреплении японцами всех занятых ими во Владивостоке и области стратегических позиций, казарм подступов и путей к ним.

Таким образом, резюмируя все данные о событиях 4—5-го апреля и обстоятельствах, им предшествовавших и следовавших за ними, необходимо сделать следующие выводы.

1) События не явились неожиданностью ни для временного правительства, ни для русского командования. Кроме фактов и свидетельств, говорящих за это, уже приведенных выше, можно указать еще на совершонную за несколько дней до выступления японцев эвакуацию 47 политических заключенных из владивостокской в хабаровскую тюрьму и на погрузку и на завер-

пившиеся вообще приготовления к эвакуации из Владивостока в Амурскую область 17 вагонов с государственными ценностями. Эти важные правительственные мероприятия доказывают, что меры на случай возможных осложнений с японцами принялись.

2) Основная причина выступления японских войск во Владивостоке и вообще в Приморской области лежит не в местных случайных столкновениях русских властей, военных главным образом, с японским командованием, не в линии поведения нашего высшего командования, которое понимало, что борьба с японскими войсками в данное время и в данных условиях бессмысленна и преступна, не в линии даже поведения партизанских отрядов и военного совета, державшихся почти до последнего момента несколько агрессивного направления в отношении японцев, хотя, несогласованные с направлением деятельности высшего командования, самостоятельные распоряжения военного совета и самочинные выступления партизан, разумеется, портили и ухудшали и без того натянутые отношения между русскими и японскими военными силами, что было, конечно, использовано японским командованием в его представлениях японскому центральному правительству о необходимости решительных действий по отношению к русским в Приморской области, а японским министерством иностранных дел в его переговорах с правительствами Европы и Америки об угрозе большевизма всему Дальнему Востоку в лице временного правительства и возглавляемого ими государственного образования. Основная причина лежала в принятой, вследствие создавшихся обще-русских условий, политике временного правительства и в правильно или неправильно, безразлично, сложившемся в Европе и Америке мнении о временном правительстве и возглавляемом им своеобразном государственном образовании, как о «ширмах» большевизма, к которому и должно быть то же самое отношение, какое усвоила бывшая противогерманская коалиция к центральной Советской России, т.е. отношение бойкота и даже вооруженной, хотя не прямой, репрессии.

3) Сопротивление японскому выступлению, как утверждает русское командование, во Владивостоке было бессмысленно и преступно, как напрасное пролитие крови и разрушение города. Некоторая растерянность в поведении бывшего командования и разноречивость в поведении наших частей во Владивостоке в ночь

4-го апреля объясняется тем, что из-за разногласия командования и военного совета определенной линии поведения, определенных директив на случай японского выступления не было выработано. Из-за этой причины оказанное нашими частями сопротивление японцам в области не было настолько действительным и успешным, насколько оно могло быть даже при техническом и местами численном превосходстве японских войск над нашими.

4) Японское выступление не было вызвано какими-либо действиями нашего командования или наших частей. Русские военные силы и русское население не дали японцам даже предлога и повода к началу военных действий. Японское командование инсценировало нападение на его караулы и патрули, японское командование, открыв военные действия, не встретило во Владивостоке никакого сопротивления ни в русских войсках, ни в населении, ни в правительстве. Японские войска в ночь 4—5-го апреля одновременно были и нападающими и обороняющимися, производя как бы войсковые маневры уличной войны, во время которых самими японцами было убито два и ранено несколько японских солдат.

5) Поведение японских войск во время выступления и после него было и остается поведением завоевателя в завоеванной и оккупированной стране.

Русские власти фактически лишены всякой силы, русские граждане всякой русской защиты от японских насилий. Русское государственное достояние захватывается японскими войсками в совершенно неизвестных целях. Русские законы и русское национальное достоинство и честь попираются оккупантом.

Подлинный за надлежащими подписями.

Оккупация северной части Сахалина.

1.

Объявление японского командования в Сахалинской области, расклеенное в г. Николаевске на Амуре в 1920 году.

1. Военная оккупация Сахалинской области, отнюдь не являясь враждебным актом, предпринята в строгом соответствии с правительственной декларацией от 3-го июля, т.е., как временная мера, впредь до образования законного русского правительства. Японское правительство искренне надеется на восстановление здоровой и дружеской России.

2. Обязанности по поддержанию законности и порядка в оккупированной местности будут возложены на японских правительственных чинов.

3. Все, кто будет причинять вред или убыток японцам, будут подвергаться строгой ответственности.

4. Преступники будут пока наказываться по законам Японии.

Вышеприведенный текст прокламации будет внесен в дипломатический совет и после одобрения им опубликован.

2.

Объявление командующего японским военным отрядом к населению о. Сахалина.

29-го апреля 1920 г.

Ввиду того, что большевики и примыкающие к ним могут распространять среди русского населения разные слухи и вести злонамеренную агитацию, с целью подорвать доверие к японскому отряду, — японское командование считает необходимым объявить населению следующее:

Японское правительство оставило войска в Сибири для защиты своих подданных и, вместе с тем, помочь русскому здраво-

мыслящему народу поддержать порядок и дать возможность спокойно заниматься мирным трудом.

До сих пор происходили столкновения между русскими большевиками и японскими войсками, потому что большевики мешали достижению вышеуказанной цели. Кто такие большевики, вы знаете и власть их испытали. Тысячи расстрелянных и замученных невинных японских и русских, грабежи и поджоги, совершенные в соседнем с вами городе Николаевске, ясно доказывают, кто такие большевики.

Поэтому я верю, что вы более не соблазнитесь их сладким словом и обещаниями.

Не вмешиваясь в вашу внутреннюю жизнь, предоставляя вам право устраивать ее согласно вашему желанию и интересам, японское командование выражает уверенность, что после пережитых вами ужасов вы сумеете поставить во главе народного управления людей, преданных вам и честных, которые оградят вас от посягательств на вашу жизнь и имущество разных преступников и положат основу мирному содружеству русского и японского народов на началах взаимного уважения.

29-го апреля 1920 г.

Командующий японским отрядом *Томадь*.

3.

Обращение японского командования на о. Сахалине к населению острова, распространенное среди жителей города Александровска путем сбрасывания с аэропланов в 1920 году.

Ввиду получения печального известия о том, что находящиеся здесь наши соотечественники убиваются и ограбляются большевиками, наш отряд высадился в этом месте для того, чтобы проверить действительное положение вещей и защитить жизнь и имущество проживающих здесь наших соотечественников.

Наш отряд гарантирует, что не будет причинено решительно никакого ущерба жизни и имуществу русских и прочих, проживающих здесь граждан. Временно воспрещается, без разрешения отряда, отход судов из этой местности в каком бы то ни было направлении. Объявляется, что по отношению ко всем

без исключения лицам, превратно толкующим вышеизложенные мотивы, оказывающим противодействие японским войскам и нарушающим этот приказ, будут приняты решительные меры.

4.

Обязательное распоряжение японского командования на о. Сахалине, объявленное населению в Александровске путем расклейки по городу.

14-го июля 1920 г.

В ближайшее время Япония приступит к военному управлению русской частью Сахалина. Ввиду этого:

1) Всем учреждениям следует передать свои дела японскому командованию с 25-го сего месяца.

Примечание. Большинство чиновников и служащих останется на своем месте попрежнему.

2) Живущие в казенных и общественных зданиях должны уступить их с того же числа месяца.

3) Строго воспрещается унести из вышеупомянутых зданий бумаги, инструменты, приборы и т. п.

Японское командование.

14-го июля 1920 г.

5.

Приказание японского командования на о. Сахалине казначею русского казначейства в городе Александровске.

5-го августа 1920 г.

Ввиду того, что занимаемое казначейством здание назначено под японское учреждение и здание это требуется ремонтировать, японское командование приказывает таковое освободить как можно скорее.

Г. Александровск. Японское командование.

Полковник Томань.

5-го августа 1920 г.

Предостережение, об'явленное японским командованием правительственным и общественным должностным лицам под расписку.

25-го августа 1920 г.

1) Со дня декларации японским императорским правительством от 3-го июля не признаются никакие русские власти.

2) Вследствие этого, русским властям не предоставляется производить административные дела, при чем дела, произведенные после декларации, подлежат подробному исследованию и решаются.

3) Разного рода уже приобретенные права и преимущества решительно определяются после особого исследования.

4) Меры и системы, принятые доныне по административным делам, и другие важные предметы подлежат исследованию особой комиссии; следовательно, просят предоставить членам комиссии надлежащие материалы и объяснить их с любезностью.

5) Что касается бывших справедливых русских властей, те особенно обсуждаются с уважением.

6) Все документы по делам должны быть сохраняемы у себя без перемены и на это привлекается к себе ответственность.

7) Лица, какие не соблюдают вышеозначенные пункты, подвергаются наказанию.

Об'явление № 1 военно-административного управления.

26-го августа 1920 г.

После декларации об оккупации, произведенной японским правительством от 3-го июля, упразднена администрация русских властей, и поэтому им не предоставляется производить свое административное деление. Но несоответственно этому принципу можно было бы полагаться, что кто-либо приобрел бы какие-то права и преимущества от русских властей, то такие люди должны заявить об этом в военно-административное управление в течение семи дней с этого числа.

По поводу всех прав и преимуществ, уже приобретенных по распоряжению русских властей до декларации об оккупации, должно быть остановиться переданное деяние чужим лицам, как продажа, переименование и проч.

Хотя бы в будущем желают приобрести права и преимущества по распоряжению русских властей, надо иметь в виду, что такие права и преимущества считаются недействительными по вышеизложенному принципу.

26-го августа 1920 г.

Начальник Сахалинского военно-административного
управления *К. Цуно*.

8.

Приказ пр. А. № 30 командующего японской экспедиционной армией в Сахалинской области по случаю празднования дня рождения его императорского величества.

31-го октября 1920 г.

Ввиду высокаторжественного дня рождения его императорского величества императора Японии и одновременно празднования открытия действий управления, и желая, чтобы этот день был ознаменован как радостный день для всех, неимущим жителям будет оказана помощь; содержащиеся под стражей, является амнистия тем обвиняемым и осужденным, которые были привлечены к ответственности за нарушение военного устава и русских уголовных законов, и преступления которых не заставляют предполагать, что административные заключенные в будущем могут оказаться опасными лицами для окружающего их населения.

31-го октября 1920 г.

Командующий экспедиционными войсками в Сахалинской области, генерал-лейтенант *С. Козима*.

Меморандум японского правительства управляющему иностранными делами Приморского областного управления, врученный через совет рыбных и морских промыслов во Владивостоке.

16-го декабря 1920 г.

По поводу рыбных промыслов в Сахалинской области считаю долгом довести до вашего сведения, согласно инструкции министерства иностранных дел, о нижеследующем:

Рыбные промыслы в низовьях реки Амура, а также и в Амурском Лимане, со включением островов Лянгер, п. Уд и прочих, будут находиться в дальнейшем в ведении японского командования.

Что же касается рыбных промыслов в остальной части Северного Сахалина и в водах побережья, от мыса Лазарева до Де-Кастри, то таковые до сего времени находились в ведении русских властей во Владивостоке, однако, в дальнейшем и эти рыбные промыслы будут находиться в ведении японского командования.

10.

Обращение к населению.

На основании декларации, опубликованной летом прошлого года, в которой японское императорское правительство заявило, что японские войска будут занимать важные пункты в Сахалинской области до тех пор, пока в России не будет образовано законное правительство и не будет удовлетворительно разрешен вопрос о варварском избиении японцев в Николаевске, на днях японская экспедиционная армия в Сахалинской области расположит свои войска в городе Николаевске, Де-Кастри, Маго, Софийске и др. важных пунктах и введет в этих местностях гражданское управление для водворения в них спокойствия и порядка.

Предлагаю всему местному населению спокойно заниматься своими делами и подчиняться назначенным нами властям.

Александровск. 21-го марта 1921 года.

Главнокомандующий экспедиционными войсками в Сахалинской области

генерал-лейтенант *Козима.*

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр</i>
Предисловие редактора	3
Предисловие переводчика	10
Глава первая. Сибирь в огне революции. Беженские настроения. «Внутренняя» и «внешняя» температура. «Сибирский» вопрос и союзники	13
Глава вторая. У русской революции не оказалось «Налоплеона». Под каким лозунгом начинать интервенцию. Реставрация невозможна. С кнутом или без него? Учет силы контр-революции	15
Глава третья. Отсутствие патриотизма. Шкурничество интеллигенщины и буржуазии. Интервенция не вызовет национального негодования	20
Глава четвертая. Социальное расслоение сибирского общества. Профессиональные объединения. Национальные группировки. Политические партии: социал-революционеры и их роль в Сибири; другие партийные группировки; беспартийная интеллигенция и буржуазия; авангард большевизма	24
Глава пятая. Заключение. Риски и выгоды союзной интервенции в Сибири. Объем, цели и размеры интервенции. Какие партийные группировки надлежит союзникам поддерживать. О единстве действий союзников. Официальные лозунги интервенции	48
Приложения	57

60 коп.